

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ МИРЕ**

АЛЕКСАНДР АРСЕНТЬЕВ

**ПУТЬ
ЛИКВИДАТОРА**

Annotation

Сергей Решетов даже на свет появился при экстремальных обстоятельствах. Его мать была на последней стадии лучевой болезни. Тем не менее Сергей родился совершенно здоровым. А дальше этого «чудо-ребенка» ждала тяжелая жизнь. Детдома, спецприемники, армия, особое подразделение, тюрьма, бунт, новый этап... другой мир, где пришлось драться уже не только с людьми...

Александр Сергеевич Арсентьев

Путь ликвидатора

© Арсентьев А.С., 2017

© ООО «Издательство „Э“», 2017

Начальник тюрьмы одного из провинциальных городков в полнейшем смятении вошел в кабинет и захлопнул за собой массивную дверь так, что повалилась штукатурка. Вытащив из кармана связку ключей, с трудом нашел в ней подходящий и заперся в своей «резиденции». На ватных ногах он проследовал к допотопному, обшарпанному сейфу, достал из его недр ополовиненную бутылку «Пшеничной», граненый стакан и блюдо с засохшей нарезанной колбасой. Трясущимися руками мужчина наполнил тару и торопливо, словно кого-то опасаясь, ее опорожнил. Не уделив внимания непрезентабельной закуске, он раздраженно ослабил душащий галстук и, расстегнув ворот форменной рубахи, тяжело плюхнулся в старое кожаное кресло. С минуту посидев глядя в одну точку, он вдруг обхватил потными руками лысеющую голову и тихонько застонал...

Сегодняшний день подполковника Семенова можно было с полной уверенностью назвать катастрофическим. В пять утра он был поднят из теплой постели телефонным звонком – звонил заместитель дежурившего ночью капитана Лескова, прапорщик Евстафеев. С истерическими нотками в голосе он доложил о гибели Лескова и беспорядках, назревающих в стенах тюрьмы. Шепотом матерясь, Егор Петрович покинул мирно дремавшее рядом дородное туловище супруги Клавы и, спешно облачившись в наглаженный китель, отбыл в направлении вверенного ему объекта. То, в каком виде предстала пред ним его вотчина, едва не довело Семенова до инфаркта: со всех сторон к тюрьме стягивались подразделения МВД, сияя мигалками и нарушая тишину, царящую на улицах просыпающегося города, противным и многоголосым воем сирен. Из некоторых окон здания следственного изолятора валил черный дым, а из-за толстых стен неслись матерные выкрики и леденящие кровь вопли. Милицейское начальство всех рангов тактично терлось в сторонке, видимо – принимая решение по штурму злополучного заведения. Семенов вытер пот с широкого лба и нетвердой походкой направился к собратям по оружию.

Дальше... штурм, во время которого погибли шестеро сотрудников и десять – получили ранения различной степени тяжести; тушение очагов пожара силами трех пожарных расчетов, жестокое подавление активности наиболее радикально настроенных заключенных и устранение последствий страшного стихийного бунта...

Семенов плеснул в стакан еще грамм пятьдесят спасительной влаги, выпил и занюхал жестким кусочком сервелата. Внезапно он громко выругался и в сердцах ударил по столу мощным кулаком. А ведь еще вчера все было так хорошо! От лица министра он был награжден почетной грамотой за долгую и добросовестную службу. До пенсии оставались считанные дни, а в пятидесяти километрах от города, на берегу маленького озерца, томился в ожидании хозяина небольшой коттедж, в котором можно было спокойно коротать долгие дни заслуженного отдыха: ловить рыбу и ковыряться в огороде. А теперь вот как?! Гребаный Лесков!!! Ведь говорил же ему, выродку, – не зажимай так эков! Какие-никакие, а люди все ж. Так нет же! Затравил псом ночью блатного, и не кого-нибудь – самого Вартана – смотрящего. Естественно, братва, настропаленная в последнее время малявами с воли, призывающими к достойному ответу ментовскому беспределу (одну из таких на днях бдительные сотрудники нашли в подушке ээка), кинулась на защиту авторитета. Долбаный капитан, земля ему наждаком! Не погибни он в заварухе, самолично удавил бы!

Невеселые раздумья подполковника были прерваны противным треском служебного

телефона. Семенов недовольно покосился на казенный аппарат и нехотя снял трубку:

– Семенов у телефона!

– Товарищ подполковник, к вам посетитель, – боязливо пролепетал из динамика голос дежурного по КПП – прапорщика Цымбалюка.

– Кого там еще принесло?! – рявкнул Егор Петрович – сегодня он имел уже достаточно нелицеприятных бесед со взыскательным начальством.

– Майор СВР, Логинов Дмитрий Валентинович, – чуть ли не шепотом произнес Цымбалюк.

– Е-мое! Пропустить немедленно! – радостно возопил подполковник.

– Есть – пропустить! – гаркнул исполнительный прапор.

Но Семенов уже не слушал подчиненного – он извлек из сейфа непечатую бутылку виски, второй стакан и коробку шоколадного ассорти. Затем отпер замок на двери кабинета и даже слегка приоткрыл ее. Димон, чтоб его! Сколько же они не виделись – лет десять или и того больше? Последний раз – в Москве, на всероссийском съезде работников МВД!

Через несколько минут в дверь постучали, и, без приглашения, в кабинет Семенова пружинистой походкой вошел моложавый поджарый человек в штатском, широкой улыбкой приветствуя хозяина апартаментов.

– Ну, здравствуй, Егор!

– Димка, ты какими судьбами здесь?! Вот уж кого никак не ожидал увидеть, так это – тебя! Неужели сам навестить решил? – Семенов с долей иронии хитро прищурился.

– Врать не стану, не сам – по службе. Но очень рад тебя видеть, – искренне ответил Логинов и, следуя пригласительному жесту, присел на стул, который гостеприимный хозяин придвинул к накрытому столу.

– Ну, давай за встречу! – Семенов открыл дорогой напиток и плеснул виски в стаканы.

Гость помедлил, словно нехотя, взял стакан и, чокнувшись с подполковником, едва пригубил напиток.

– А ты, Егор, смотрю – уже не в первый раз сегодня тонус поднимаешь? – негромко спросил Логинов и кивнул на остаток водки и засохшую закуску, которые второпях забыл убрать подполковник.

– Эх, Димка! Сегодня с самого утра такая карусель, что... – Семенов горестно взмахнул рукой.

– Наслышан. – Майор проницательно взглянул на старого друга.

– Слушай, а ты, часом, не по этому делу ко мне пожаловал? – подозрительно взглянул на собеседника Егор Петрович.

Логинов слегка смутился, несколько секунд подумал, словно подбирая слова, и грустно улыбнулся:

– Отчасти – и поэтому тоже.

– Твоя контора что – теперь и тюрьмы инспектирует? – ехидно воззрился на собеседника Семенов. – Вот уж не ожидал!

– Все немного не так, дружище, – поднял руку в успокаивающем жесте Логинов. – Ты, как я понимаю, сейчас в глубокой... – Подполковник удрученно кивнул. – Так вот, есть у тебя один маленький шанс исправить свое нелегкое положение... – Дмитрий многозначительно умолк.

Егор Петрович, не веря собственным ушам, недоверчиво взглянул на Логинова. Кем возомнил себя этот майор? Как можно сейчас что-то исправить?! Когда шестеро погибли

(зэки, конечно, не в счет)! Когда об инциденте уже знают на всех уровнях, вплоть до министерства!! Когда местные журналюги и телевизионщики, мать их, уже готовят к выходу свои сюжеты и статьи!!!

– И... и... как... теперь? – судорожно сглотнув слюну, едва ли не прошептал начальник тюрьмы и, прослезившись, словно на ангела-спасителя, взглянул на собеседника.

Майор загадочно улыбнулся и с видом доброго волшебника вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги.

– Для начала – прочти сей документ, а детали мы обсудим потом.

Трясущимися руками Семенов осторожно взял «магический» документ, якобы способный исправить его безнадежное положение. Под действием спиртного голова соображала весьма туго, поэтому Егор Петрович неоднократно прочитал содержимое, никоим образом не вязавшееся с его спасением от должностного расследования.

– Ну и?... – растерянно посмотрел он на улыбающегося Логинова. – «Предоставить в распоряжение... для этапирования». Дима, я не понимаю.

– Ты на подпись посмотри, – улыбнувшись, посоветовал майор.

Семенов перевел рассеянный взгляд вниз, протер глаза и вновь перечитал написанное. На какое-то время старый служака впал в полнейший ступор и с полуоткрытым ртом уставился на Дмитрия, словно видел его в первый раз. Наблюдая за товарищем, Логинов сокрушенно покачал головой, поднялся с места и плеснул в стакан подполковника добрую порцию виски.

– Ты, Петрович, выпей – полегчает. И присядь – в ногах правды, как ты знаешь, нет. Я тебе сейчас все растолкую.

Семенов оторопело опустил в свое кресло, послушно выпил и, ловя каждое слово, внимательно выслушал длинный монолог собеседника. По мере повествования лицо Егора Петровича все больше вытягивалось и, когда Логинов наконец закончил, своим выражением напоминало нерадивого ученика, выслушивающего речи мудрого учителя.

– Вот так – просто?! – изумленно протянул он.

– Ты считаешь, что человек, расписавшийся здесь, неспособен решать подобные вопросы? – вопросом на вопрос ответил майор.

– Да... – потрясенно выдохнул Семенов и внезапно встрепенулся: – А как же местные СМИ?!

– Поверь, Егор, там уже все улажено – ни слова о произошедшем здесь не попадет в эфир. Пойми ты: учения у вас происходили! По возможному устранению беспорядков во вверенном тебе объекте.

– А погибшие? А зачинщики бунта?! – находясь на грани нервного срыва, воскликнул подполковник.

– С погибшими – разберемся! – сухо ответил Логинов. – В этом направлении уже работают, так что не бери в голову. Теперь что касается зачинщиков и наиболее отличившихся... – На секунду майор умолк и, взглянув прямо в глаза собеседника, словно гипнотизер, негромко и твердо произнес: – ...все они приговорены к пожизненному заключению; приговор уже вступил в силу и обжалованию не подлежит. С этой минуты они переходят в мое распоряжение, и я займусь их этапированием к месту исполнения наказания.

– Но ведь даже я пока что не знаю подробностей произошедшего в полном объеме! – потрясенно промолвил Егор Петрович. – Нужно проводить внутреннее расследование,

устанавливать личности виновных, устраивать очные ставки! А ты говоришь – приговор вступил в силу! – Он сокрушенно помотал головой. – В отношении кого – вступил?!

– А вот как раз этим, дорогой мой друг, мы сейчас и займемся! – Логинов вновь широко улыбнулся и хлопнул подполковника по плечу. – Распорядись принести личные дела и медицинские карты подопечных.

Семенов послушно кивнул и с мольбой поднял на майора растерянный взгляд:

– Слушай, Дим, ради чего все это?

Взгляд Логинова внезапно стал жестким и неприветливым.

– А вот этого, Петрович, я тебе сказать не могу. Сам понимаешь – служба!

Уже третьи сутки страдали заключенные в тесном купе столыпинского вагона. Жара в это лето была в буквальном смысле невыносима. Что уж говорить про узников, которых в количестве четырнадцати человек затолкали в настоящий ад на колесах. Несмотря на то что все остальные камеры были свободны, зэков, словно животных, забили в одну – так было удобно конвоирам. Вообще-то конвой был приятно удивлен этим необычным спецрейсом – в таком малом количестве никто из них еще не перевозил заключенных. Если бы не адская жара, то поездку можно было бы назвать увеселительной.

– Седой, может, чифиру замутим? – лениво поинтересовался пожилой зэк, смахнув капли пота с куполов церкви, вытатуированной на широкой груди.

– А мотор у тебя не накроется? – мрачно ответил мужчина лет тридцати с небольшим и взъерошил свои абсолютно белые от седины короткие волосы. – Коваль, на твоём месте я бы поостерегся – годы не те.

– И то правда! – вздохнул Коваль. – Когда после бунта прессовали, скрутило, аж жуть!

– Это сколько ж здесь градусов?! – свесившись с верхней полки, воскликнул молодой щуплый парень.

– Полтинник, если не больше! – важно ответил Коваль и шутя щелкнул молодого по носу. – Не маячь – без тебя тошно.

– Эй, командир! – крикнул дородный, весь покрытый потом мужчина и несколько раз ударил своим кулачищем по решетчатой двери камеры.

В коридоре послышались тяжелые шаги, и вскоре сквозь решетку на арестантов воззрилась недовольная рожа конвоира.

– Чего надо? – прохрипел сержант, вытирая форменной кепкой вспотевший лоб.

– Слышь, командир, воды принеси! Глотки пересохли – сил нет!

– Потерпишь. Через пару часов на место прибудем, так что – собирайте манатки. – Здоровенный детина наигранно зевнул и, развернувшись, направился восвояси.

– Хрен тебе в ухо! – процедил сквозь зубы толстяк и крикнул уже громче: – Куда прибудем-то?

– Там все и узнаешь! – раздалось из глубин «продола».

– По ходу – в Карелию едем, – подал голос сверху Череп. – Ночью конвой что-то про Петрозаводск лопотал.

– Странно как-то все, – задумчиво произнес Седой и почесал переносицу, от которой к скуле протянулась белая полоска шрама. Зеленые глаза смотрели в одну точку, а лоб парня был нахмурен. – Ни суда, ни допросов – взяли и повезли...

– Раньше думать надо было, – буркнул толстяк и недобро сверкнул водянистыми глазами, – когда капитану шею сворачивал. Теперь вот все едем – незнамо куда.

Седой ответил ворчуну холодным, словно блеск отточенного лезвия, взглядом и промолчал. В отличие от него, Коваль не смог оставить без внимания отпущенную реплику – длинными худыми пальцами с синими перстнями он схватил за кадык недовольного и, с силой сдавив, прошипел:

– А что бы ты, сука, делал, если бы тебе стволом в лоб уперлись?! Пацан все по понятиям сделал – не забздел. За это ему везде уважуха будет – куда бы ни попал. А ты, мразь, только о своей поганой шкуре думал, когда кипиш поднялся. – Коваль залепил

толстяку широкой ладонью в лоб, отчего тот свалился на пол.

– Да ладно, Коваль, ну его – пусть живет, – миролюбиво вмешался Седой. – Не хватало еще самим в этом собачнике перегрызться.

Коваль криво усмехнулся и недовольно покачал головой:

– Смотрю я на тебя, Серега, и удивляюсь: вроде не блатной, а пацан правильный – не подкопаешься. Ты чем по жизни занимаешься, если не секрет?

– По жизни – живу! – улыбнулся Седой. – А ты, если на исповедь развести меня задумал, сан священника получи для начала!

– Ладно, говорливый, – с долей иронии проворчал Коваль. – Ты меня еще жизни поучи!

Седой ответил ему хищной улыбкой и промолчал, не желая ввязываться в базар «за жизнь». Как показывала эта самая «жизнь» – гораздо выгоднее было уметь по-настоящему слушать, нежели трепать языком. Сергей катнул желваки и понуро уставился в одну точку. Жизнь...

Жизнь Сергея Решетова началась в убогой провинциальной больнице, куда доставили его беременную и умирающую от лучевой болезни мать. После тяжелых и сложных родов мама не протянула и двух часов – тихо скончалась на скрипучей больничной койке, застеленной линялым бельем, прижав к себе сверток с ревушим во все горло Серегой. Врачи долго поражались тому, что у роженицы с такой степенью облучения (которое она, кстати, получила неведомо где) мог родиться абсолютно здоровый ребенок, который мало того, что выжил в радиоактивном чреве, так еще был практически невосприимчив ко всевозможным недугам, выпадающим на долю новорожденных. Участники консилиума в областной клинике, куда маленького Решетова доставили спустя две недели, изумленно качали седыми головами, изучая медицинское заключение о смерти его матери.

В дальнейшем судьба Сергея устремилась по накатанным рельсам участи тысяч подкидышей и брошенных: дом малютки и последовавшая за ним череда детских домов, которые он менял с завидной регулярностью. Не то чтобы его тяготила скупая опека родного государства, нет – мальчуган с рождения умел приспособливаться везде, куда бы ни забросила его шальная судьба. Гораздо сильнее этого беспокоило Серегу пристальное внимание, оказываемое ему людьми в белых халатах. Парень рос и развивался значительно быстрее своих сверстников; практически не болел (за исключением легкого насморка) и везде отличался завидными физическими данными. Все это, вкупе с довольно любопытной медицинской картой, весьма интересовало назойливых эскулапов. Одно из светил советской медицины даже хотело сделать Решетова темой своей кандидатской. Подобное навязчивое внимание настолько достало свободолюбивого и неугомонного парня, что, едва ему исполнилось двенадцать, он сбежал из очередной богадельни, на этот раз – окончательно.

Мотаясь по широким просторам Отчизны в компании таких же, как он, беспризорников, Серега познал все трудности взрослой жизни, обрушившиеся на неокрепшие плечи подростка. Казавшийся бесконечным калейдоскоп подвалов, спецприемников и различных ночлежек прекратился лишь тогда, когда парня взял под свое крыло тверской вор Вартан, углядевший в смышленном пареньке, как ему тогда казалось, будущую звезду криминального мира.

Криминальный авторитет, никогда не имевший своей семьи, за короткий срок привязался к неугомонному беспризорнику.словно родного сына, обучал он парня суровым реалиям жизни в современном обществе. Да и Сергей, никогда не ведавший, что такое родительская любовь, проникся к своеобразному «папаше» чувством глубокой благодарности

и преданности. Это время, проведенное в большом загородном доме предводителя криминального мира Твери, было самым счастливым эпизодом трудного и непредсказуемого детства Сергея Решетова.

Увы, грандиозным планам авторитета так и не суждено было воплотиться в жизнь – через четыре года он сел всерьез и надолго. Осиротевший Сергей вновь вернулся к сомнительным прелестям жизни беспризорника. Кочуя из города в город, приобретая новых друзей и занимаясь не вполне легальной деятельностью, Решетов встретил свое восемнадцатилетие в стенах изолятора временного содержания, куда его направили после задержания за мошенничество: команда юнцов-гастролеров весьма активно лохотронила на местных вещевых рынках.

Внимательно изучив дело задержанного и усмехнувшись при виде даты рождения, следователь добродушно взглянул на парня и произнес:

– Ну, бандит, с днем рождения тебя! Вот что, Серега: хорош дурью маяться! Пора и о жизни своей задуматься! – Подспудно он набирал номер на телефонном аппарате. – Алло, военкомат? Мне бы Ивана Трофимовича... Иван, у меня для тебя клиент имеется. – Следователь подмигнул поникшему Решетову.

Вот так, абсолютно неожиданно, Сергей угодил в тесные и гостеприимные ряды Вооруженных сил Родины. Выбора особого на тот роковой момент у него не было: либо здание с непрезентабельными решетками, либо – служба в РА. Разумеется, пацану, привыкшему к вольному образу жизни, весьма затруднительно было свыкнуться со строгим распорядком и железной дисциплиной, царящими в учебке, но он старался как мог... Старался до того момента, пока однажды после отбоя сержант с замашками садиста в компании с двумя старослужащими не собрался поучить строптивого «духа» тонкостям армейской жизни, выходящим далеко за рамки воинского устава и являющимся неотъемлемой частью воспитания молодых бойцов.

– Ну, боец, – развязно произнес верзила-сержант, – как жить дальше будем: по уставу или... – Повинуясь его одобрительному кивку, один из «дедов» противно усмехнулся и резко ударил Решетова в грудную клетку здоровенным кулаком.

У Сергея перехватило дыхание, а разум затопила волна жгучей ненависти – никому и ни при каких условиях не позволял он обходиться с собой подобным образом. То, что произошло впоследствии, никоим образом не укладывалось в планы старослужащих, привыкших к рабскому подчинению и беспрекословному выполнению их команд. Правая рука новобранца с вытянутыми указательным и средним пальцами метнулась к лицу ударившего его бугая – тот, прикрыв рукой глаза, взвыл, подобно раненому слону. Ребром левой ладони Сергей коротко и мощно ударил по горлу стоявшего слева – ефрейтор захрипел и упал на колени, пытаясь вернуть вдавленный кадык на место. Оторопевший от происходящего третий участник баталии – сержант – застонал и, сделав пару шагов назад, взглядом загипнотизированного кролика смотрел на приближающегося, словно тайфун, «духа», во взгляде которого хохотала Смерть. Сам не ведая почему, он визгливо заорал: «Рота! В ружье!!!» Этот истеричный сигнал тревоги был резко оборван страшным ударом, ломающим челюсть выродка и разбрасывающим его выбитые зубы веером в радиусе нескольких метров. Поднятые по тревоге солдаты лихорадочно устремились было к своему обмундированию, аккуратно уложенному на табуретках, но внезапно замерли, узрев живописную сцену последствий произошедшего короткого сражения...

Этот роковой инцидент кардинально изменил всю дальнейшую судьбу Сергея

Решетова...

Ранним пасмурным утром майор-особист, внимательно ознакомившись с рапортом дежурного по части, пристально смотрел в усталые и холодные глаза новобранца Решетова. Чем-то весьма импонировал ему этот упрямый парень. Возможно, своей независимостью и какой-то бесшабашной смелостью: вот так, запросто, в одиночку пойти против сложившейся на протяжении многих лет системы неуставных взаимоотношений дано далеко не каждому. Злосчастная тройца старослужащих глубокой ночью была срочно доставлена в госпиталь. По предварительному заключению врача, двоим из них грозила инвалидность: один лишился правого глаза, у второго – что-то серьезное с гортанью. Сломанная челюсть сержанта Соломатина тоже была весьма неприятной деталью, но этому, как говорится, еще повезло. У Решетова из телесных повреждений – лишь огромный синяк на груди. Опытному особисту картина произошедшего в части была довольно ясна: наезд на «духа» – жесткий ответ новобранца. Свидетелей, как всегда в подобных случаях, нет. Все четыре персонажа в один голос утверждают, что «упали с лестницы». Зарвавшиеся «деды», конечно, заслуживали наказания, но чтобы так! С другой стороны, парня тоже можно понять: один против троих – ситуация довольно предсказуемая, поэтому действовал на опережение – выводил из строя противников наиболее эффективными способами. Майор усмехнулся – чисто Рэмбо.

– Значит, говоришь, упал? – устало спросил особист. – И о том, что случилось с Кононовым, Хреновым и Соломатиным, не знаешь?

В ответ Решетов угрюмо покачал головой и взглянул на собеседника:

– Товарищ майор, к чему все это? Если есть за что – наказывайте, нет – разрешите идти...

Внезапно майор рассвирепел:

– А ты знаешь, герой, что по твоей вине двое солдат инвалидами стали?! Что их дома живыми и здоровыми ждали?! Знаешь, что тебе теперь дисбат корячится?!

Решетов в упор взглянул на собеседника, секунду помедлил и тихо, чуть ли не шепотом, ответил:

– Да, майор, их ждут. Меня – нет... Дисбат... ну что ж – и там выживу! – Он помолчал и добавил, немного повысив голос: – Что же касается того, что у вас люди с лестниц падают, – так это не моя вина, за чистотой лестниц следить нужно! – Он встал и вплотную подошел к майору. – Тебе – в том числе!

Особист оторопел и даже на полшага отшатнулся от парня – такой неприкрытой ненавистью «дохнуло» из зеленого омута его глаз. Майор в растерянности опустился на стул. Так неуверенно он не чувствовал себя даже «на ковре» у взыскательного начальства. Что делать-то?! Парень по-своему прав – вина за произошедшее лежит полностью на плечах офицеров части, допустивших саму возможность возникшего инцидента. А то, что солдат проявляет подобную независимость, – так судьба у него нелегкая была (перед допросом особист внимательно ознакомился с делом Решетова).

– Ну, – наконец собрался с мыслями майор, – и что мне с тобой прикажешь делать теперь?!

– Я, вообще-то, товарищ майор, к вам сюда не рвался, – спокойно ответил солдат. – По моему, раз уж в армию – значит, в армию. А тереть здесь полы и беспредел ваш разгребать – не мое это.

– Армия, говоришь? – Неожиданно светлая мысль разогнала замешательство, окутавшее разум особиста. Он с облегчением потянулся и подмигнул Решетову. – Будет тебе армия!

Через неделю рядовой Решетов был переведен на таджико-афганскую границу, где в то смутное время обстановка все более накалялась. Используя свои связи в кругах вездесущих особистов, майор добился-таки зачисления своего строптивого «протезе» в штат разведывательно-диверсионной группы, действовавшей в зоне участвовавших вооруженных конфликтов. После трехмесячной подготовки под началом майора СВР группа из шести новичков влилась в тесные ряды спецподразделения, занимавшегося ликвидацией главарей бандформирований.

Талантливый по своей природе, Сергей постигал новую для него науку воинского ремесла легко и быстро, практически на лету усваивая тонкости проведения диверсий, ориентирование на местности при любых погодных условиях, подрывное дело, основы рукопашного боя и другие немаловажные навыки, от владения которыми нередко зависела его жизнь. С головой окунувшись в мир суровой романтики и высокой степени риска, Решетов уже не представлял свою дальнейшую жизнь без всего этого. Свист пуль; ликование после удачного проведения боевой операции; азарт охотника, отслеживающего свою добычу; боль от потери товарищей; напряженная, терзающая нервы тишина ожидания в многочасовой засаде; долгожданная и ненавистная цель в перекрестье оптического прицела – таков был далеко не полный перечень ингредиентов адской смеси, ежедневно тонизировавшей организм бойца спецназа. Превенная жизнь, наполненная бесполезными скитаниями, казалась ему теперь уже такой далекой и никчемной, что подчас возникало странное ощущение: все это происходило не с ним, не с Сергеем Решетовым – Седым (так его окрестили бойцы после того, как он абсолютно седым вернулся из-под получасового артобстрела, застигнутого его в засаде).

Дальше Северная Осетия... Чечня... Многочисленные краткосрочные командировки далеко за пределы родного государства... Цели в основном все те же... Годы стремительно летели мимо – свой юбилей, тридцать лет, Сергей встретил на очередном задании в далекой африканской стране. Былой азарт давно исчез, и теперь уже все чаще Решетова посещало назойливое ощущение, будто все они являлись разменной монетой в многомиллиардных сделках нечистых на руку политиков; пешками в чужой, непонятной для них игре. Итог закономерен: однажды в жаркой Ливии две такие «пешки» – Решетов и его напарник Тимофеев – стали заложниками нестандартной ситуации, по сути – обычной накладки, возникшей в многоходовых комбинациях спецслужб. В самый последний момент, когда ситуация на политической арене резко поменялась, их попросту «скормили» местным оппозиционерам, причем в тот роковой момент, когда они уже приступили к своему непосредственному заданию, а именно – ликвидации предводителя этой самой оппозиции...

Сергей молча кивнул Лехе Тимофееву и прильнул к оптике. Так, объект выходит из двухэтажного здания в сопровождении приближенных и телохранителей... Поправка на ветер... Расстояние – восемьсот... Лоснящееся лицо в перекрестье... Генерал широко улыбается и даже не подозревает о том, что через несколько секунд он станет трупом, возле которого будет с ужасом суесться его «пристяжь». Он что-то говорит своему помощнику и вальяжно помахивает сигарой... Так, стоп... Сигара в правой руке!!! У нашего вместо правой – протез!!! Подстава!!!

– Леха, валим! Это – двойник!

Молчание... Леха, с аккуратной дырочкой во лбу, из которой толчками билась струйка крови, завалился набок. Все еще не веря в происходящее, Решетов тряхнул напарника:

– Эй, братуха!

Что-то больно ударило в переносицу и вскользь чиркнуло по щеке... Практически мгновенно правая часть лица стала влажной и липкой... Снайпер, мать его! Решетов моментально перекатился влево и замер... Каменные брызги от валуна, за которым он был секунду назад... Фонтанчик песка в нескольких сантиметрах от лица... Не уйти... Оглушительный взрыв где-то совсем рядом... Не уйти!!!

Решетов вскочил и, исполняя немыслимые акробатические кульбиты, рванул в сторону джипа, стоявшего в пятистах метрах. По-любому у него был только один шанс из миллиона. Нет, из десяти миллионов! Сзади слышался треск автоматных очередей; то и дело справа и слева от него взлетали в воздух целые барханы... Инстинкт самосохранения заставлял его тело совершать невозможное: «качая маятник», пригибаясь и резко меняя направление, Сергей, словно молния, неся по горячему ливийскому песку, матерясь и молясь одновременно. Удар в спину... Черт, по всей видимости, осколком зацепило! Сергей позвериному зарычал. Надо подняться! Он выплюнул песок вперемешку с кровью и, шатаясь, подбежал к машине... Движок мгновенно откликнулся на поворот ключа. Давай, родной!!! «Лендровер», словно шальной, сорвался с места, на котором секунду спустя образовалась воронка радиусом в несколько метров...

Одному Богу известно, что ему пришлось тогда пережить, пока он, брошенный на произвол судьбы с тяжелым ранением, выбирался из злополучной страны...

Госпиталь, люди в белых халатах и масках... Три сложнейшие операции. Нужно отдать эскулапам должное – поставили-таки на ноги. Хотя заведующий отделением, старый седой профессор, долго качавший головой и бормотавший себе под нос: «Феноменально, ежкин кот...», при выписке горячо пожал Седому руку и как-то грустно произнес: «Тебе, парень, не меня благодарить нужно! Себя, родителей своих... природу, мать твою! Короче – в рубашке ты родился, да и возможности организма поражают!»

Решетов сильно похудел и осунулся. Разум терзал безжалостный рой мыслей о правильности избранного им пути. Кругом была пустота... Кто он теперь?! Каким идеалам служит? Ради каких высоких целей ставит на кон свою жизнь и жизнь боевых товарищей?!

Через месяц Сергей, в парадном кителе и орденах, вручил своему непосредственному командиру рапорт об отставке. Нахмутив густые брови, полковник внимательно изучил протянутый ему документ и грустно взглянул на подчиненного:

- Сломался, значит?
- Нет, Петр Андреевич, не сломался. Другое тут...
- Что другое-то?! – воскликнул командир. – Помнишь «Офицеров»: «Есть такая профессия – Родину защищать»?
- Родину, говорите? – спокойно ответил Сергей, умело сдерживая бешенство, рвавшееся из груди. – Как понятие «защищать» соотносится с моими командировками в недоразвитые африканские страны? Как может араб, управляющий кучкой головорезов, повлиять на безопасность моей Родины?! Вы прекрасно знаете, что я защищаю: котировки цен на нефть; увеличение бюджета некоторых известных вам ведомств; миллиардные вливания народных средств в весьма сомнительные предприятия. Скажите мне, что это не так, – и я порву свой рапорт! Заметьте – я не спрашиваю о том, что послужило причиной провала последнего задания, но именно после этого у меня наконец-то открылись глаза!

Петр Андреевич тяжело вздохнул и по-отечески потрепал Сергея за плечо:

- То, что ты мне сейчас сказал... короче, не говори это больше никому. Что же касается твоей пафосной речи, то здесь ты прав... лишь отчасти. Пойми, безопасность государства

складывается из многих факторов... – Полковник замылся и, не находя слов, свернул тему: – Пойми, Сережа, мы с тобой – солдаты и поэтому должны выполнять приказы...

– Петр Андреевич, при всем уважении к вам я не хочу слушать эту сказку про белого бычка. Я для себя уже все решил.

– Ну, – развел руками Петр Андреевич, – неволить тебя я, конечно, не стану... Уверен, ты сам через месяц-другой вернешься. Ты уже, наверное, и позабыл, что такое гражданская жизнь?

– Как таковой ее у меня никогда и не было, – мрачно усмехнулся Решетов.

...Расставшись с армейской жизнью, Сергей даже не подозревал, в какой изощренный капкан он себя загнал. До сего момента его существование было наполнено риском, требовало полного самоконтроля и предельного использования всех личностных ресурсов. А теперь...

После ухода в отставку Решетов осел в своей однокомнатной квартире на окраине маленького провинциального города – ее он приобрел пару лет назад, готовя себе возможные пути отхода после отставки. Вскоре, вдоволь насытившись охотой, рыбалкой и прочими прелестями свободной холостяцкой жизни, Сергей не на шутку заскучал. В последние годы своей службы он не раз предавался мечтам о том, как, демобилизовавшись, заживет обычной гражданской жизнью. В реальности все оказалось совершенно иным – покой осточертел уже через неделю. Решетов невольно стал ловить себя на мысли, что его до тошноты раздражают унылые и вечно чем-то озабоченные лица мирных обывателей. Организм, привыкший к работе на износ и небывалым нервным перегрузкам, отказывался принимать произошедшую перемену – не раз уже Сергей просыпался среди ночи от кошмарных видений прошлого и с тоской дикого зверя, попавшего в неволю, стонал, до боли стиснув зубы. Помнится, раньше он всерьез задумывался о семье; о том, что когда-нибудь, осторожно держа маленькие ладошки своего сына, поможет ему совершить первые неуверенные шаги. О той, единственной и неповторимой, что станет ожидать его возвращения домой... Все эти нелепые мечты растаяли, словно утренний туман под порывом свежего ветра. На недостаток женского внимания в своей шальной жизни Сергей никогда не мог пожаловаться – природное обаяние, чувство юмора и пылкая натура настоящего мужчины-воина всегда привлекали представительниц прекрасного пола. Но... Бесконечная вереница Юль, Вероник и Елен; смятые после сумасшедших ночей постели; черед романтических выходов, бросающих к его ногам сердца очередных жертв, – вот все, что Решетов мог вспомнить о своих отношениях со слабым полом. О том, чтобы связать себя на долгие годы с одной-единственной девушкой, Сергей никогда не думал. Как это ни печально, он до сих пор так и не встретил ту, предназначенную самой Судьбой, что стала бы ему женой, а его детям – любящей матерью.

Что касается дальнейшего существования в образе мирного, законопослушного гражданина, то и здесь Решетов оказался в полном неведении относительно своих дальнейших действий. Ежедневно горбатиться за нищенскую зарплату на каком-нибудь заводе на благо местного олигарха – в подобной ипостаси Сергей даже представить себя не мог. Создать свой бизнес без начального капитала и связей в различных чиновничьих структурах – нереально. В какое-либо охранное агентство – перед самим собой стыдно (с его-то послужным списком). В очередной раз взвесив все «за» и «против», Сергей мрачно усмехнулся и покачал головой – полковник словно в воду глядел: «Смотри – сам назад прибежишь».

– Да хрен вам всем! – зло выкрикнул Сергей куда-то в пустоту. – Не пропаду без вашей пафосной, фальшивой богадельни!

Эта отчаянная бравада, разумеется, не возымела на дальнейшую судьбу Решетова абсолютно никакого положительного действия. Все так же томительно тянулись весенние непогожие дни. Хмурое небо, мрачные мысли, полнейшая апатия – все это доводило пылкую натуру Сергея до иступления. Последней каплей стало известие о гибели одного из фронтовых товарищей, причем произошло это не где-то на задании, а от поганых рук малолеток-наркоманов, подкарауливших Игоря в подъезде. После его похорон Решетов тяжело запил и за какой-то месяц превратился в жалкое подобие человека – этакую пародию на некогда грозного воина. Он потерял счет дням; квартира стала напоминать неухоженную трущобу, часто посещаемую личностями весьма сомнительного вида.

Однажды теплым солнечным днем Сергей с трудом разлепил заплывшие глаза и отуманенным взором оглядел окружающий его беспорядок: пустые бутылки из-под всевозможных спиртных напитков занимали уже около трети комнаты, перевернутая пепельница, какие-то элементы кружевного женского белья – одним словом, полный бардак. Решетов тяжело застонал, осмотрел стоящие на столике бокалы на предмет остатков спасительной влаги и, ничего не обнаружив, громко выматерился. В тот же момент скривился от пронзившей голову жуткой боли. На подкашивающихся ногах он добрался до ванной, наспех умылся и пригладил взлохмаченные волосы. Затем страдалец с замиранием сердца порывлся в карманах куртки и джинсов. Видимо удовлетворившись результатом поисков, поспешно оделся и отправился на улицу – по уже привычному маршруту: в табачный киоск и магазин.

Через десять минут, покинув стены заветного магазинчика, Сергей сбросил «кирпичное» выражение лица, лихорадочно зашарил в позвякивающем пакете, достал запотевшую бутылку пива и нетерпеливо открыл ее зубами. Он смущенно огляделся по сторонам и присосался к спасительному горлышку тары. Постепенно окружающий мир вновь начал обретать свои яркие краски; сердце перестало бешено колотиться, и, теперь уже – более уверенной и неторопливой походкой, Решетов направился к своему логову, дабы через несколько часов вновь впасть в тяжелое забытие.

Остановившись у пешеходного перехода в ожидании зеленого сигнала, Сергей невольно залюбовался молодой женщиной, стоявшей на противоположной стороне дороги. Высокая эффектная брюнетка поправляла шапочку дочурке лет пяти, которая недовольно отворачивалась от матери, возмущенная тем, что ее так бесцеремонно отвлекают от созерцания яркого воздушного шара, который она держала. Загорелся разрешающий сигнал, и девчонка, видимо уже разбирающаяся в правилах дорожного движения, вывернулась из рук женщины. Озорно смеясь и оглядываясь на мать, она выбежала на «зебру» и остановилась, призывно маша рукой. В этот момент откуда-то из дворов на проезжую часть с огромной скоростью вылетел черный внедорожник, водитель которого нагло проигнорировал красный сигнал светофора. Устремившиеся было к переходу, пешеходы в ужасе отпрянули обратно на тротуар. Девчушка же, слепо доверяя зеленому человечку на указателе и не замечая угрозы, вприпрыжку бежала по белым полосам на асфальте, весело размахивая своим шаром.

Сергей, словно во сне, взглянул в широко распахнувшиеся от ужаса глаза женщины. Ее полный отчаянья крик, словно команда к действию, прозвучал в ушах Решетова. Не раздумывая ни мгновения, Сергей бросил свою «драгоценную» ношу, рванул навстречу девчонке и в сумасшедшем прыжке успел-таки выхватить ее из-под самых колес машины.

Приземлившись спиной на спасительный тротуар и крепко прижав к себе девочку, Решетов перевел сбившееся дыхание и благодарно взглянул в синеву небес. Водитель джипа, запоздало среагировавший на происходящее, резко повернул в сторону. Зацепив бампером фонарный столб, его машина в развороте вписалась шикарным задом в газетный киоск. Решетов облегченно вздохнул и выпустил из рук вырывающегося испуганного ребенка. Девочка со слезами устремила к подбежавшей матери и, зарывшись лицом в складки ее плаща, громко зарыдала.

Из помятого внедорожника выбрался высокий грузный человек с заплывшими, несомненно – залитыми изрядной долей спиртного, глазками и, пошатываясь, направился в сторону поднимавшегося на ноги Сергея.

– Ты куда, скотина немытая, лезешь?! – орал толстяк, в иступлении брызжа слюной. – Да ты у меня теперь в рабах сгниешь! Ты даже представить своими куриными мозгами не можешь, сколько эта тачка стоит, было!

Решетова словно током ударило – полупьяный ас даже не заметил того, что несколько секунд назад чуть не отправил на тот свет ребенка! Пелена ярости затопила разум Сергея. Ни слова не говоря, он шагнул навстречу надвигающемуся на него, словно танк, здоровяку и, сделав корпусом обманный выпад влево, страшным ударом справа уложил того на едва начавший зеленеть газон. Не считая более поверженного нарушителя опасным для себя и окружающих, Решетов огляделся, взглядом отыскивая свой пакет. В окнах проезжающего мимо милицейского УАЗа Сергей заметил заинтригованные взоры людей в погонах. Словно нехотя, машина блюстителей закона остановилась. Из открывшейся двери лениво выбрался верзила с лычками старшины, злобно выругался, задев бритой макушкой проем дверцы. Картинно закинув сложенный АКМ за спину, облеченный властью детина направился к Решетову.

– Документы предъявите, гладиаторы! – Старшина требовательно взглянул в глаза Сергею и слегка отпрянул, встретив его жесткий взгляд.

– И куда вы только смотрите, дармоеды! – пробурчал водитель джипа, поднимаясь с земли и вытирая кровь на разбитой губе. – Кто за тачку ответит, сержант?!

Словно в доказательство того, что имеет право говорить в подобном тоне, мужчина в дорогом костюме достал из кармана удостоверение и, развернув его, сунул под нос милиционеру, который секунду спустя уже стоял по стойке «смирно», пытаясь втянуть отвисающий животик. Выскочивший из «уазика» следом за старшим по званию ефрейтор мгновенно оценил ситуацию: презентабельный господин, при виде удостоверения которого его командир отдал честь; стоящий рядом невзрачный мужчина в потертой одежде не первой свежести, только что ударивший сего достойного гражданина. На ходу откинув приклад автомата, парень ударил им Сергея в основание черепа, отчего тот без чувств рухнул на землю.

– Разберемся, господин депутат! – Старшина одобрительно кивнул подчиненному, вновь отдал толстяку честь и защелкнул наручники на запястьях безвольно лежащего Сергея.

Такой поворот событий не ускользнул от внимания дамы, которая успокаивала плачущую дочку. В порыве негодования она подбежала к милиционерам, пытаясь исправить ситуацию.

– Куда же вы его?! Он моего ребенка от смерти спас! – с мольбой воскликнула молодая женщина, растерянно оглядываясь в поиске поддержки.

Но очевидцы произошедшего уже торопливо расходились, смущенно пряча глаза. Одна

лишь тщедушная старушка, по всей видимости – только что подоспевшая «на интересное», голосила, размахивая облезлой палочкой:

– Так его, родимого! Пушай знает, как на честных людей набрасываться!

– Не волнуйтесь, гражданочка, разберемся, – важно произнес сияющий, словно мыльный пузырь, ефрейтор. Он уже мысленно прибавлял к своему небольшому окладу премию за поимку опасного преступника – судя по разъяренному виду «важного» человека, этот парень, несомненно, таковым станет.

Затолкав бесчувственного Сергея в «собачник» и включив мигалку, стражи порядка отчалили, оставив растерянную женщину, обнимавшую ребенка, и продолжавшую что-то бормотать себе под нос старушку.

После трех суток содержания в КПЗ, где Решетов сражался с тяжелейшим похмельем и последствиями страшного удара, отправившего его в небытие, он был ознакомлен с обвинительным заключением и доставлен в мрачное здание следственного изолятора. Настаивать на своей невинности Сергей не стал – толку-то! Гниды в погонах и мантиях все описали весьма доходчиво и красиво: «Хулиганство... нанесение побоев... алкогольное опьянение... сопротивление сотрудникам...» Красавцы – самого Сатану задержали!

...Решетов переступил порог тесной, душной камеры и негромко поздоровался с арестантами, ожидающими здесь кто – суда, а кто – отправки на зону.

– Проходи-проходи, присаживайся, – произнес знакомый голос, который Сергей никогда не спутал бы с тысячей других: невообразимые по глубине басы и плавающий характерный акцент.

Крупный, можно сказать, огромный мужчина кавказской национальности в спортивном костюме приглашающе кивнул на табуретку:

– Ну, что сказать о себе можешь, парень?

– А что, уши свободные есть? – дерзко улыбнулся Сергей и, предупреждая волну негатива, готовую обрушиться на него от мгновенно вскинувшегося грозного «сына гор», добродушно добавил: – Ну, Вартан, дал Бог – свиделись.

Вор недоуменно уставился на новичка, с минуту подумал, наморщив широкий лоб, и, наконец, удивленно спросил:

– Я тебя должен помнить?

– Не гадай, Вартан, не вспомнишь! – хитро прищурился вновь прибывший. – Серега – Решет!

– Вах! – изумленно вскрикнул пожилой авторитет и добавил длинную фразу на родном языке.

Затем, наповал сразив издавших виды эков, старый вор вскочил и, вдоволь наобнимавшись с новеньким, засуетился, словно радушный папаша.

– Ну, говори: как, что, какими судьбами? Чем помочь смогу? – без остановки тараторил обрадованный неожиданной встречей Вартан.

– Да утомись ты! – рассмеялся Сергей. – Наговоримся еще – времени навалом.

Но время сыграло со старыми друзьями злую шутку... Буквально через неделю после традиционной вечерней проверки Вартана не стало...

Привычные к подобным процедурам, заключенные торопливо покинули осточертевшие стены «хаты» и выстроились в галерее для переклички и положенного осмотра тюремным фельдшером. В этот роковой вечер обычное, по сути, мероприятие отклонилось от привычного сценария. Вартан слегка занемог и проигнорировал проверку, оставшись лежать

на «шконке». И все бы ничего (не раз уже подобные вольности со стороны авторитета, как говорится, «прокатывали»), но в этот злополучный день дежурил капитан Лесков, отличавшийся особой говнистостью и жестокостью. Хуже того – сегодня он был изрядно навеселе. Зачем-то, может, забавы ради он прихватил с собой двух крупных кавказских овчарок, которых вели на поводках «цирики». Капитан пошатывался, пытался обнять молоденькую медсестру, шепча ей на ухо пошловатые шутки, и вообще вел себя вызывающе, даже по отношению к персоналу изолятора. Обнаружив, что ненавистного ему «смотрящего» нет среди построившихся, Лесков мгновенно вышел из себя. Его худое, синюшное лицо побагровело, а тонкие губы сложились в хищную усмешку.словно предвкушая предстоящую разборку, капитан облизнулся и, вырвав поводок одной из овчарок из рук охранника, нырнул в проем камеры.

– Ты какого хера разлегся?! – заорал он, брызжа слюной. – А ну встань, придурок лагерный!!!

– Не пыли, капитан, – недобро сверкнув глазами, спокойно ответил вор. – Без меня сегодня обойдетесь – приболел я.

– Ты у меня сейчас приболеешь! – рассвирепел Лесков, видя, что ему и не собираются повиноваться. – Пообещаю паре быков свободу и закрою тебя с ними на несколько дней, смотришь – авторитет твой приопустят! – Капитан наигранно громко рассмеялся, приглашая присутствующих оценить его остроумие.

– Язык придержи, начальник! – сурово ответил Вартан. – Не ровен час – потеряешь.

– Урка, ты мне угрожать вздумал?! – зашипел Лесков и крикнул овчарке, натянувшей поводок: – Дара, тут кто-то пасть разевает!

Собака, повинуясь довольно замысловатой команде, сделала стойку и тихо зарычала, бдительно фиксируя умными глазами каждое движение потенциальной жертвы.

– А ведь напугал! – громко рассмеялся Вартан и притворно содрогнулся. – Мозгами не вышел ты, капитан, меня на понт брать!

– Ах ты... – Лесков отпустил поводок. – Взять!!!

Яростно рыча, Дара бросилась на заключенного...

Сергею, стоявшему среди прочих сокамерников в коридоре, все произошедшее в камере было слышно довольно отчетливо, как, впрочем, и остальным действующим лицам. На какие-то короткие мгновения все впали в психологический ступор, пораженные нереальностью происходящего. Поэтому, едва услышав последние слова Лескова и последовавший за ней шум схватки зверя и человека, Решетов сорвался с места и беспрепятственно вбежал в камеру. То, что он там увидел, на несколько минут заглушило в нем все цивилизованное, оставив лишь первобытного дикаря, охваченного жадой крови. На еще подергивавшемся в конвульсиях теле дорогого ему человека распласталась неподвижная овчарка, мертвой хваткой сжавшая своими стальными челюстями горло Вартана. Из левого бока собаки торчала заточка – видимо, умирая, вор сумел-таки вытащить ее из-под матраса и вонзить в осатаневшего зверя. На эту жуткую кровавую картину с каким-то непередаваемым адским азартом пялился капитан Лесков, вытирая о брюки вспотевшие ладони.

Бесшумно, словно готовящаяся к прыжку пантера, надвигался побледневший Решетов на недочеловека с погонами капитана. Тот, краем глаза уловив движение в дверном проеме камеры, оторвал свой зачарованный взгляд от живописного зрелища. Увидев заключенного и почуввав угрозу, Лесков выхватил из кобуры пистолет, направил его на Сергея и истерично заорал:

— Тебе чего надо?! Завалю!

Холодная ярость мгновенно мобилизовала тренированное тело бывшего киллера спецслужб, пробуждая инстинкт выживания, а вместе с ним — и ту сверхъестественную скорость и реакцию, благодаря которым Решетов неизменно выходил победителем из большинства рукопашных схваток. Мгновенный выпад в сторону и вперед — ушел из простреливаемого пространства... Пытаясь проследить молниеносное передвижение потенциального противника, Лесков сам повернул шею — Сергею осталось лишь придать повороту нужную силу и направление... Секунду спустя Решетов тихо опустил на пол тело капитана, остекленевшими глазами уставившегося в разверзшиеся пред ним врата ада... Тишина...

Через несколько минут территорию следственного изолятора наполнили яростные крики, стрельба и вопли умирающих...

Необычный конвой

Вагон тихо качнулся и остановился. Спустя несколько минут, противно лязгнув замком, отворилась дверь камеры.

– По одному из камеры – на выход! – рявкнул конвоир.

Суетливо волоча тяжелые баулы, арестанты, один за другим, покидали душныя стены столыпинского вагона. Выпрыгнув наружу, Седой уже привычно, скороговоркой, выкрикнул свои данные и статью и, присев на корточки, быстро осмотрелся: судя по невзрачному пейзажу, какая-то маленькая железнодорожная станция. Кряхтя, рядом присел Коваль и тихо буркнул:

– Где – не в курсе?

– Да хер его знает! – недовольно ответил Сергей.

– Разговоры! – прервал их задушевную беседу молоденький солдат внутренних войск, стоящий в оцеплении и пытающийся сурово сдвинуть тонкие белесые брови.

Решетов улыбнулся, кивнул в знак безоговорочного повиновения и приложил палец к губам.

Жара стояла невероятная, но зэки блаженно вдыхали полными легкими нагретый воздух, который после камеры вагона казался им чистым горным ветерком. Каждый пытался впрок надышаться, готовясь к посадке в «автозак», где вряд ли будет лучше, чем в камере вагона, – от раскаленных стен металлического фургона в воздухе колыхалось зловещее марево.

– Если долго ехать – сваримся, – обреченно обронил Коваль, мотнув головой в сторону транспорта для перевозки заключенных.

Сергей задумчиво кивнул и неожиданно обратился к тому самому солдату, что стоял в паре шагов от них:

– Слышь, братишка, далеко поедет-то?

Такое обращение, видимо, польстило бойцу, и он, тяжело вздохнув, кивнул:

– Далеко... – По грустным глазам конвоира было заметно, что и ему эта поездка не в радость.

Ехали, с короткими остановками, почти сутки... За это время изнывающие от жары арестанты сумели-таки вытянуть из разомлевшего конвоира информацию о том, что точкой назначения является село Калевала. Это малознакомое название никому из присутствующих не дало абсолютно никакой пищи для размышлений о том, куда же их все-таки этапируют. Ситуация становилась все более невыносимой: полнейшее неведение о своей дальнейшей судьбе, треклятая жара и теснота – все эти факторы влияли на психику людей отнюдь не лучшим образом. Все чаще были слышны матерные речи на повышенных тонах, пока наконец не дошло дело до драки – тот самый толстяк, что получил от Ковалю «выговор» в камере вагона, вновь достал своим брюзжанием одного из арестантов, на этот раз – Черепа. Сцепившись, оба упали на пол, хрипя и матерясь. Происходящее вывело из полудремы солдата-срочника – передернув затвор автомата, он воскликнул, срываясь на истеричные нотки:

– Немедленно прекратить!

Седой мгновенно сорвался со своего места и, подмигнув растерянному конвоиру, склонился над дерущимися. Коротким ударом в солнечное сплетение он лишил толстяка

доступа воздуха и, взяв его за ухо, усадил на лавку.

– Еще раз ты, сука, кипиш поднимешь – башку оторву! – прошептал он в самое ухо задыхающегося бузотера. – Я тебе не Коваль – понтоваться зря не буду, понял?

Толстяк поспешно кивнул, а Сергей уже обернулся к солдату:

– Все в порядке, командир! У пацанов крыши от жары едут. Сам-то как?

Парень выругался себе под нос и, успокоившись, с долей благодарности взглянул на Решетова и улыбнулся:

– Да нормально!

– Слушай, – пользуясь моментом, подхватил Сергей, – а что там, в этой Калевале? Нас с какой целью везут туда?

– Да я сам не знаю, – словно оправдываясь, ответил парень. – Сказали: доставить и передать.

– Кому? – оживился Сергей, пытаясь выжать из разоткровенничавшегося бойца все возможное.

– Не знаю, – покачал головой парень. – Вот начкар – тот все знает... – и тут же, спохватившись, умолк.

– Ясно, – вздохнул Сергей и повернулся к опальному соседу. – Ну что, толстый, очухался? Слова мои запомнил?

Тот вновь послушно кивнул и насупился.

– погоди, Угрюмый! – подал голос из угла проснувшийся Коваль. – Вот прибудем в зону – там и поговорим.

...По прибытии в Калевалу заключенных разместили в маленькой камере для временно задержанных местного отделения милиции, где их накормили и дали перевести дух после длительного и изматывающего путешествия. Наполнив урчащие желудки, арестанты разомлели – наконец-то им предоставили возможность отдохнуть в более-менее человеческих условиях. Сквозь легкую дрему Седой услышал противный скрип отпираемой двери камеры и последовавший за ним окрик конвоира:

– По двое – на медосмотр! Первые – Решетов и Ковальчук.

– Твою-то мать! – вздохнул Сергей и тряхнул за костлявое плечо Ковалю, храпевшего с полуприкрытыми глазами – сказывались годы, проведенные в тюрьмах России. – Подъем – труба зовет!

В медкабинете дежурная фельдшерица – очаровательная молодая женщина лет тридцати, – смущенно пряча красивые голубые глаза, бегло осмотрела оголенные торсы пациентов, отметила что-то в медицинских картах и, словно извиняясь, произнесла:

– Сейчас вам сделают по два укола: прививка и вакцина для акклиматизации – пройдите за ширму. – Тряхнув водопадом роскошных рыжих волос, она требовательно взглянула на Седого.

– Родная моя, – ласково улыбнулся Сергей, – я побывал в свое время на множестве территорий с такими разнообразными климатическими условиями, что моему организму уже по жизни не нужны никакие прививки и вакцины.

– Это не обсуждается, – тихо ответила фельдшерица. – Все делается для вашей же пользы. Откажетесь – вас все равно заставят.

– О как! – рассмеялся Решетов. – Ладно, леди, не будем портить наши теплые отношения из-за простой формальности. Куда колоть будешь? – Он с готовностью начал расстегивать молнию джинсов.

– Инъекции – внутривенно! – слишком поспешно сообщила женщина и впала в краску.

– Как скажешь! – Сергей закатал рукав. – Как звать-то тебя?

– Светлана, – неохотно ответила дама. – Кулачком поработайте...

После того как все прошли «медосмотр», зэков вывели во двор и построили. Сменившиеся конвоиры по-хозяйски, словно на рынке невольников, осмотрели разношерстный коллектив. Начкар, чуть располневший майор с суровым выражением бледного, строгого лица, заложив руки за широкую спину, важно прогуливался перед шеренгой арестантов и хриплым голосом инструктировал новоприбывших:

– Граждане осужденные! Сегодня все вы будете доставлены в ИК-777 для отбытия наказания в виде пожизненного заключения.

– Че-о-о?! Как?! Беспредел!!! – слышались возмущенные выкрики.

Угрюмый, до которого дошло, видимо, позже, чем до остальных, аж взвился. Он шагнул навстречу майору и, замахав кулачищами, заголосил:

– Ты, начальник, ничего не попутал?! Мне за кражу – потолок мотать?!

Майор мгновенно среагировал на попытку неповиновения – через какую-то долю секунды он уже упирался стволом «макарова» в лоб остолбеневшего толстяка.

– На землю! – прозвучала резкая команда. – Лечь, сука!!!

Угрюмый, с неопишущим ужасом на потном лице, послушно упал на утопанную землю, уткнувшись носом в сухую пыль. Майор деловито передернул ствол и дважды выстрелил заключенному в затылок, обрамленный глубокими проплешинами. Тело Угрюмого содрогнулось и обмякло. Вокруг его неподвижной головы плавно растекалась кровавая лужа. Заключенные оцепенели...

– Ни хера себе! – прошептал Коваль и судорожно сглотнул, подавляя приступ внезапной тошноты.

– Еще одна блядь свой поганый рот откроет... – спокойно, как бы между прочим, произнес майор и выразительно кивнул на тело Угрюмого.

– ...так о чем мы? – продолжил он секунду спустя как ни в чем не бывало. – Ах да – ИК-777! Ввиду удаленности режимного объекта, вы будете доставлены туда по воздуху, то есть на вертолете. Хочу сразу предупредить: бойцы у меня отменные, так что дурить не советую.

Седой катнул желваки и с ненавистью осмотрел конвоиров, стоявших по периметру двора с автоматами наизготовку. По суровым лицам, безжизненным взглядам и уверенным, плавным движениям Решетов безошибочно определил в этих парнях настоящих профессионалов. Таких глаз, как у этих крепких людей в камуфляже, Сергей достаточно повидал в своей жизни: холодные и беспристрастные, словно толстая каменная стена, отгородившая человека от окружающего мира, – глаза неумолимого убийцы. Жестокое и бесчеловечное отношение к арестантам, скорая расправа без суда и следствия, уровень подготовки конвоя – все эти факторы складывались в весьма неприятную картину. Казалось, что отныне заключенным придется существовать в каком-то ином мире – мире, абсолютно противоположном по своим законам обычной реальности; мире, где напрочь отсутствуют такие понятия, как милосердие, справедливость и закон.

Внезапно Сергей почувствовал легкое головокружение, которое, лишь на миг овладев сознанием, тут же отступило, чтобы затем вновь вернуться, подобно огромной волне, захлестнувшей головной мозг. Седой покачнулся и едва не упал, успев ухватиться за рукав стоявшего рядом Ковалья. Подняв затуманенные глаза на товарища по несчастью, Решетов

осознал, что симптомы внезапной слабости обрушились не только на него: старый вор так же, как он, терял связь с окружающей действительностью – глаза его подернулись пеленой абсолютного непонимания ситуации. Оглянувшись, Седой зафиксировал неадекватное поведение остальных заключенных. Кто-то упал на колени и, пытаясь вернуть нормальное положение окружающему пейзажу, отчаянно тряс головой; кто-то, схватившись за плечи рядом стоящих, неимоверным усилием воли старался вновь взять контроль над своим организмом; кто-то суеверно смотрел в голубые дали небес и торопливо молился, стремясь отогнать страшную напасть. Если исключить возможность очага эпидемии, возникшей в этом сплоченном коллективе, то можно было с полной уверенностью утверждать, что все это явилось следствием уколов «для акклиматизации». Решетов сокрушенно покачал головой и недобрый словом помянул симпатичную фельдшерицу. Хотя... если разобраться, она тоже человек подневольный, что прикажут – то и делает.

– Ну-ну! – саркастичным взглядом обвел майор своих подопечных. – Не раскисать мне тут! Вам еще в вертолет загрузиться нужно.

Пытаясь приободрить арестантов, начкар пнул ближайшего из них и заорал:

– Направо-о-о! В колонну по одному – к воротам! Шаг влево, шаг вправо... ну, вы знаете.

С трудом переставляя отяжелевшие ноги, волоча по земле свои баулы, потянулись одурманенные бедолаги к распахнувшимся воротам, за которыми открылся вид на небольшой пустырь со стоящим на нем вертолетом. «МИ-26», – автоматически зафиксировал картинку одурманенный мозг Сергея. В свое время ему доводилось транспортироваться на подобном в далеком Таджикистане. Конвоиры, словно полудохлых баранов, загнали арестантов в грузовой отсек вертолета, где было сооружено подобие большой клетки. Сергей оценил толщину прутьев своего нового обиталища и усмехнулся: «Зоопарк, мать его!» Начкар и четверо конвоиров расположились на лавках – напротив клетки. Майор еще раз пристально оглядел свой «зверинец» и, задумчиво поковыряв в широком носу – не забыл ли чего, воскликнул:

– Все, взлетаем!

Словно во сне, услышал Решетов гул двигателя, шум пришедших в движение лопастей винта и окончательно отключился...

В сознание его вернуло ощущение, что кто-то настойчиво шепчет ему в самое ухо о подстерегающей опасности. Сергей с трудом открыл глаза, прогоняя остатки дурмана, потряс головой и огляделся: все зэки, скорчившись в нелепых позах на грязном полу клетки, сладко посапывали, находясь в объятиях Морфея. Начкар сосредоточенно чистил свой «макаров»; двое конвоиров играли в карты; двое – дремали, прижав к себе, словно любимую женщину, автоматы. Стараясь не привлекать к себе внимания, Сергей оценил конструкцию клетки, сваренной из арматуры, тяжелый замок и засов на двери и пришел к неутешительному для себя выводу о невозможности побега. А бежать определенно нужно – все происходившее в последние дни говорило об этом. В здешнем загадочном краю человеческая жизнь не стоила ни гроша – о чем можно было судить по отношению конвоя к арестантам. Сергей ничуть не сомневался, что там, в загадочной ИК-777, возможность побега и вовсе сведется к нулю – без сомнения, охрана в этом аду поставлена на должный уровень. Что делать?! Скользнув взглядом по фигуре спящего конвоира, расположившегося ближе всех к клетке, Решетов заметил толстую цепочку, протянувшуюся от ремня бойца в карман камуфлированных брюк. Быть может, именно на этой цепочке находится заветный ключ от двери? Седой покачал головой: даже если и так, то что с того? Вздумай он хотя бы

попытаться добыть его – пристрелят, не задумываясь.

– Илья Вениаминович, – обратился один из бойцов к начкару, – че-то заигрался – переход был уже?

Майор осуждающе покачал головой и нехотя ответил:

– Эх ты, игруля! Мы уже минут двадцать на К-777. Разве не заметил, как похолодало?

– Значит, через полчаса дома будем! – обрадованно улыбнулся конвоир и поежился. – Эх, по Ирке соскучился!

– Нужен ты ей! – усмехнулся напарник. – Она к куму ночами повадилась бегать.

– Гонишь!!! – вскипел говорливый.

– Хорош языками трепать! – резко оборвал майор свару, грозящую перейти в серьезный конфликт. – Вы бы лучше о новом мясе беспокоились – действие укола скоро закончится!

– Да в отрубоне еще все, товарищ майор!

Но «новое мясо» уже потихоньку приходило в сознание – просыпаясь, арестанты, словно сонные мухи, вяло зашевелились на полу клетки. Действительно, как заметил начкар, похолодало довольно ощутимо. Седой поймал себя на мысли, что после адской жары казалось бы желанная прохлада не производила должного эффекта – слишком уж упал градус. Карелия Карелией, но не до такой же степени!

– Эй, урки! – весело воскликнул говорливый конвоир. – Подъем, скоро прибудем к месту назначения, для кого-то – последнему в этой жизни.

– Гандон, язык свой засунь себе... – не выдержал издевки одурманенный Череп.

– Чего-о-о?! – взвился конвоир и мгновенно оказался у решетки. – Я тебе...

– Отставить! – осадил подчиненного начкар. – В зоне рамсить будете – если желание еще не иссякнет.

И хотя этот резкий окрик слегка охладил приступ бешенства конвоира, тот не нашел в себе сил вот так запросто снести это унижение, – громко схаркнув, он плюнул прямо в лицо Черепу. На одну короткую минуту, показавшуюся всем вечностью, Череп потерялся: в жизни никто и никогда не оскорблял его подобным образом. Седой буквально кожей почувствовал, что сейчас произойдет нечто ужасное – в воздухе повисла напряженная тишина. Решетов заметил ЭТО еще пару минут назад – казалось, будто атмосфера постепенно насыщается неистовой враждебностью. Неприятное ощущение появилось у него чисто интуитивно – словно кто-то, невидимый и могущественный, манипулировал, будто марионетками, душами людей, запертых в тесном пространстве отсека вертолета. Кто-то невидимый и ужасающий. По всей видимости, один лишь Сергей посчитал накалявшуюся обстановку следствием воздействия извне; остальные действовали (как, впрочем, и положено марионеткам) повинаясь лишь животным инстинктам.

Рука Черепы, словно змея, метнулась сквозь прутья решетки. Схватив конвоира за ворот камуфляжа, арестант изо всех сил рванул его на себя. Взбешенное лицо говорливого врезалось меж прутьев, извергая на противника зловонное дыхание и поток матерщины. Как будто подброшенные невидимой пружиной, остальные конвоиры устремились на помощь к сороднику, пытаясь оттащить его от клетки. Но было уже поздно... Свободной рукой Череп успел схватить автомат, болтавшийся на груди конвоира... Резкий рывок на себя... Ремень слетел с наклоненной головы, уронив при этом камуфлированную кепку. Арестанту потребовалось лишь несколько секунд для того, чтобы развернуть ствол в сторону обидчика, передернуть затвор и выдать длинную очередь, вспахавшую живот говорливого...

В одно мгновение отсек вертолета превратился в кровавую бойню, поскольку ни той, ни

другой противодействующей стороне в буквальном смысле негде было укрыться. Боец, спавший рядом с клеткой, вероятно, был сражен выстрелами своих же товарищей, открывших шквальный огонь по взбунтовавшимся зэкам. Его упавшее оружие было тут же подхвачено Ковалем, который сноровисто передернул затвор и начал поливать противников короткими очередями. Тесное пространство клетки наполнилось криками ужаса и воплями умирающих. Рядом страшно захрипел Череп – пуля пробила ему горло. Алый поток, хлынувший из ужасной раны, слился с кровавой лужей на полу, где в чудовищном клубке сплелись мертвые и живые. Решетов подхватил автомат, выпавший из рук смертельно раненного Черепа. Прикрывшись его телом, он дополз до подсумка, валявшегося рядом с убитым солдатом, выхватил оттуда магазин и заменил им свой отстрелянный. В это мгновение в живых оставались четверо арестантов, включая Седого и Ковалю. Майор и один из конвоиров догадались ретироваться в кабину и продолжали отстреливаться уже оттуда.

Вскоре надрывно закричал старый матерый вор – одна пуля раздробила ему скулу и навывлет вышла в области основания шеи, а вторая раздробила кисть правой руки. Сергей выпустил последний патрон из магазина и, схватив автомат Ковалю, разрядил его в сторону кабины, откуда тут же послышались громкие стоны. Решетов лихорадочно осмотрелся – боекомплект на нуле... Но и из кабины не доносилось больше ответных выстрелов... Вертолет как-то странно накренился сначала в одну, а затем в другую сторону. Ощущение было таким, как будто управлял машиной абсолютно невменяемый пилот. Все мертвы – дошло до Сергея... Один лишь Коваль, обхватив голову синими от наколок руками, стонал в луже крови... Путаясь ногами в обезображенных свинцом телах заключенных, по щиколотку в крови, Решетов пробирался к мертвому конвоиру, в то время как вертолет отплясывал лихую джигу Смерти. Вот она – заветная цепочка! Рывок... Ключей – пять или шесть... Который?!!! Первый – не тот! Второй – опять та же херня!!! Третий (о, господи!) – ну, давай же! Есть!!!

Двигатель вертолета взвыл, подобно тропическому урагану... Крен влево... Решетова забросало мертвыми телами заключенных. Хрен вам! Едва держась на ногах, Седой неимоверным усилием сдвинул засов, распахнул дверь клетки и, подтаскивая стонущего и матерящегося вора, устремился к двери наружу. Вор – первый (старикам везде у нас почет). Кувыркаясь, Коваль свалился в заросли кустов на высокой сопке. Осатаневшая земля, угрожающе помахивая кронами деревьев, стремительно несется на неуправляемый вертолет... Прыжок... Удар... Еще удар... Ветви впиваются в незащищенную кожу... Кудрявый зеленый великан, будто взбесившийся рестлер, пытается сломать его хребет о свое колено, покрытое толстой древесной корой... Земля, чтоб ее! Есть контакт! Оглушительный взрыв где-то совсем рядом.

Теряя сознание, Сергей впился взглядом в темную фигуру, появившуюся, словно из воздуха, в нескольких шагах от него. Черная тога, глубокий капюшон. От этого зловещего и мрачного силуэта потянуло каким-то неземным холодом... Разрывающий барабанные перепонки и выворачивающий мозг наизнанку омерзительный шепот, перемежающийся короткими, словно птичьими, трелями, исходящий из недр капюшона... Оттуда же мгновение спустя, словно из-за черного занавеса, показались ГЛАЗА... Вернее – глазницы... Словно на размытом темном фото, исковерканном шаловливой ручонкой малолетнего хулигана, который старательно выковыривал очи изображенного на портрете перочинным ножом... Пустые, холодные, безжизненные... МЕРТВЫЕ...

Глазницы ужасающего незнакомца внезапно взорвались, подобно рождественскому

фейерверку, чтобы через мгновение погрузить сознание Решетова во мрак...

Ливия... Арабы в черных тогах с капюшонами... Сергей вывалился из «Лендровера» и, подволакивая ногу, устремился к хибаре, стоявшей на окраине города. Там – аптечка, документы и деньги... Еще вчера они с Лехой планировали скорое возвращение на Родину. Леха! Какая же сука их подставила?! Спина онемела, лишь где-то в области позвоночника пульсировала страшная рана, разливая потоки боли по измученному организму. Ладно, нормально все... Сейчас только рану обработаю... а потом нужно убираться отсюда. Дальше: Бенгази, аэропорт – выберусь!

Сергей распахнул дверь ветхого домика и настороженно огляделся... Тихо... Никого... Нет!!! В дальнем углу комнаты стоит мрачная фигура, с ног до головы укутанная в черный балахон. Невнятная тихая смесь шепота и омерзительных птичьих стенаний доносится из темной пропасти капюшона... Незнакомец неподвижен, он не собирается атаковать, по крайней мере – физически.

– Кто ты?! – содрогнувшись, прохрипел Решетов.

Лишь тихий смешок в ответ... И вновь поток шипящего шепота – он обволакивает, пробирается до мозга костей, не дает свободно дышать, связывает по рукам и ногам...

– Ах ты тварь!!! – сжав зубы, произнес Седой и, выхватив «беретту», выстрелил в бездонные недра капюшона.

Ничего... Ужасающий противник все так же стоит на месте. Прервавшийся было поток шипения вновь возобновился. Медленно, как во сне, сползает капюшон, обнажая... призрачное лицо с ослепительно-белыми глазницами, изливающими в полумрак комнаты режущее, словно скальпель, сияние...

Сергей метнулся вперед в отчаянной попытке разорвать, растоптать ужасающего противника... и очнулся от боли, пронзившей правую руку. Настороженно огляделся – никого. Профессионально прошелся пальцами по больной руке – кости целы, лишь рваная рана от плеча к локтю. Решетов принялся более подробно обследовать свой многострадальный организм: глубоко вздохнул и задержал дыхание – ребра целы; осторожно пошевелил ногами – и тут порядок; медленно встал на ноги и тихонько помотал головой – надо же, и здесь обошлось: сотрясения нет. Седой с благодарностью взглянул в затянутое серыми тучами небо. Холодный и неприветливый мелкий дождь, словно издеваясь, хохотнул – рано благодаришь. Действительно, погодные условия этой загадочной местности были весьма далеки от гостеприимных. Сергей поежился – градусов десять, не больше. Как такое возможно, ведь еще с утра жара стояла невероятная? В изодранной и мокрой одежде далеко не уйдешь. Кстати, а куда идти-то? Решетов огляделся: он стоял у подножья большой сопки; ниже, извиваясь и бурля порогами, протекала маленькая речка, уходившая в дебри карельской тайги. Чуть справа из-за деревьев поднимался в небо слабый серый дымок, видимо обозначающий место падения рокового вертолета. Оценив свое местонахождение, Седой составил примерную траекторию полета и, слегка прихрамывая, направился вверх – искать Ковалю. Не прошло и трех минут, как из густых зарослей раздался громкий стон. Жив, бродяга! Сергей мгновенно сориентировался и устремился на звук. Преодолев очередную лиственную преграду, Решетов остановился как вкопанный и тяжело вздохнул. Если до этого момента хоть какая-то ничтожная надежда на то, что Коваль выживет, и существовала, то сейчас она исчезла...

Окровавленный, с разодранным лицом, лежал старый вор на вершине огромного каменного валуна, венчавшего вершину сопки. Неестественное положение тела, дергающиеся конечности и кровавая пена на губах Ковальчука красноречиво свидетельствовали о том, что жить ему осталось не более нескольких часов. Позвоночник, скорее всего, сломан. Внутренние органы при падении с такой высоты на камень наверняка превратились в кровавое месиво... Конечно, будь поблизости больница – шанс еще был бы, но...

– Коваль, – тихо позвал Сергей.

Окровавленное туловище слегка дернулось, и с губ умирающего, сквозь хрипы, едва различимо сорвалось:

– Седой, ты?

– Я, братуха, я... – вздохнул Сергей и присел на поросшую мхом поверхность валуна рядом с исковерканным телом.

Коваль содрогнулся, сплюнул кровавую массу, мешавшую говорить, и прохрипел:

– Серега, валить тебе нужно... Через пару часов здесь будет полно гандонов с собаками...

Решетов до боли стиснул зубы, кивнул и отрешенно огляделся. В голове билась единственная на этот роковой момент мысль: «Что делать-то?!»

Словно уловив замешательство товарища, Ковальчук как-то по-сатанински ухмыльнулся и, выдувая губами алые пузыри, прокаркал:

– Ты, Седой, за меня не парься... Край мне, точно знаю... – Взгляд вора потускнел, а

обычно холодные и безжалостные серые глаза внезапно наполнились слезами и невыразимой мольбой. – Ты только... это... не оставляй меня вот так... подышать. Ну, ты понимаешь... Прощу!

У Седого от этих слов перехватило дыхание. Никогда еще в этой жизни не приходилось ему ВОТ ТАК убивать... Он помотал головой, закашлялся и, наконец взяв себя в руки, посмотрел в глаза Ковалю и молча кивнул. Старый вор блаженно улыбнулся и, словно умирающий пес, тянущийся из последних сил к своему хозяину, попытался приподняться. Решетов скрипнул зубами, осторожно приподнял голову Ковалю и уложил ее на свое колено... Провел ладонью по слипшимся от крови седым волосам... Последний раз взглянул в глаза товарища по несчастью и прошептал:

– Прощай...

Руки профессионально нашли наиболее удачные точки опоры... Рывок... Омерзительный хруст... Безжизненные глаза Ковальчука, не мигая от капель мелкого дождя, сыплющихся на застывшие ресницы, уставились в серую завесу облаков.

Сергей растерянно осмотрелся – чем бы вырыть могилу... О том, чтобы оставить тело товарища по несчастью на потеху местным лесным обитателям, не мелькнуло даже мысли. Голова соображала туго, но спустя минуту его все же осенило: вертолет! Несмотря на взрыв, там наверняка найдется что-нибудь пригодное. Он осторожно опустил голову Ковалю на зеленый ковер мха, проплешинами покрывающего поверхность камня, поднялся на ноги и медленно побрел в сторону крушения вертолета – благо, легкий дымок, поднимавшийся в серые небеса, еще достаточно красноречиво указывал направление.

Спустившись к речке и пройдя немного вверх по течению, Решетов с сомнением осмотрел искореженную грудку металла, в которой нашли свое последнее пристанище останки арестантов и конвоя, – ни хрена полезного. Сергей сплюнул и раздраженно посмотрел в сторону... Его усталый взгляд остановился на надломленной пушистой сосне у подножия сопки... Вот оно! Наверняка перед падением неуправляемая машина ударилась о ствол могучего дерева. Удар был сильным – об этом свидетельствует урон, нанесенный таежному великану. Значит, что-то могло быть вытряхнуто из нутра обреченного вертолета. Воодушевившись, Решетов устремился к месту предполагаемой добычи. Достигнув его, Сергей внимательно осмотрел поверхность каменистой почвы: какие-то металлические обломки, кусок провода, осколки толстого стекла (вероятно, из кабины)... Есть! Из переломанных кустов торчат подошвы берцев. Седой бросился к находке и уже через минуту, вытащив тело из кустов, не скрывая радости, обозревал добычу. Это был тот самый конвоир, что вместе с майором ретировался, отстреливаясь, в кабину. Сергею несказанно повезло: на изувеченном теле он обнаружил автомат, а в подсумке – полностью заряженный магазин. Подмигнув обезображенному мертвецу, Седой снял с его ремня штык-нож. Подумав, он стащил с тела прочную камуфлированную куртку. Две окровавленные дыры в области сердца Решетова ничуть не смущали – своя-то одежда вообще в хлам, да и не по погоде вовсе. Да, о таких трофеях он даже и не мечтал! С сомнением оглядев свои кроссовки, Сергей стащил с конвоира берцы. Примерил – чуть тесноваты, но сойдет. Затем, словно поблагодарив мертвого охранника за дары, Решетов наспех завалил его тело тем, что попало под руку: камнями, полусгнившими корягами и обломанными сучьями той самой сосны. Сосны... Внезапно Сергей замер, потрясенный, и с недоумением, постепенно перешедшим в крайнее изумление, более внимательно рассмотрел пушистую ветку, которую он держал в руке: сосна как сосна, за исключением разве что неестественного для данного представителя флоры

фиолетового оттенка иголок... Да и сама древесина в месте излома была ярко-фиолетового цвета! Решетов недоверчиво поднес ветку к лицу и настороженно втянул ноздрями воздух – хвоей не пахнет, какой-то кисловатый и незнакомый запах. словно какую-то мерзость, он отбросил от себя частицу таежного великана и с опаской осмотрелся...

Шок от последствий воздушной баталии и авиакатастрофы уже прошел, позволив рассудку более детально обратить внимание на окружающую обстановку. Не веря собственным глазам, Сергей потряс головой и еще раз прошелся внимательным взглядом по облику девственной природы, в объятия которой он угодил таким необычным образом... И как он мог не заметить всего этого сразу?!! Трава... все тот же характерный фиолетовый отлив... Мох – то же самое, но – с красными и синими вкраплениями... Одни лишь лиственные деревья имели более-менее привычный вид... По крайней мере, они были бледно-зеленого цвета... Что же касается пород деревьев, то здесь Сергей, успевший побывать в весьма разнообразных по своим климатическим особенностям точках земного шара, уже абсолютно растерялся и непроизвольно обхватил руками седую голову. «Ботаником» он никогда не был, но то, что перед ним природа неведомого мира, мог сказать с полной уверенностью! Краски, необычные формы листьев; оттенки валунов цвета индиго, усеявших дебри сказочного леса, – все это сводило с ума! Шокированный разум выдавшего виды спецназовца, привыкшего действовать в самых непредсказуемых ситуациях, впал в полнейший ступор, тщетно пытаясь отыскать ответ на терзающий сознание вопрос: «Че за хрень здесь творится?!»

Решетов судорожно вздохнул, наполнив легкие промозглым от влаги воздухом, и, пытаясь взять себя в руки, прикрыл глаза... «Так, я жив – это хорошо... Практически без повреждений – тоже неплохо... Оружие исправно, какой-никакой боезапас имеется – отлично... Дыхание в норме...» Сергей открыл глаза, вновь обвел взглядом непривычный пейзаж и внезапно в исступлении пнул трухлявый пенек, взорвавшийся фейерверком фиолетовых щепок, и с яростью заорал:

– Да где, черт его дери, я нахожусь?!!!

Этот полный отчаянья крик эхом разнесся по псевдокарельской тайге, вспугнув какое-то существо в нескольких десятках метров от Сергея. Мгновенно отреагировав на треск сучьев, Решетов обернулся на звук и успел заметить какую-то серую тень, мелькнувшую в прорехе между густыми деревьями. Как ему показалось – что-то весьма крупное и покрытое густой длинной шерстью. Сергей механически передернул затвор автомата и прислушался – ни звука более. Медведь? Ну уж нет! Судя по облику здешней природы – очередная хрень! Медленно опустив ствол автомата вниз, Решетов сплюнул в сторону и, хмуро улыбнувшись, пробурчал себе под нос: «Йети, мать его!»

Напряжение и отчаянье, охватившее разум и сознание бойца, постепенно спадали, возвращая способность мыслить трезво, а действовать – мгновенно и уверенно. Он вспомнил о первоначальной цели своей вылазки и направился к месту падения вертолета, где уже через несколько минут нашел более-менее подходящее для рытья могилы орудие – обломок лопасти винта. Осмотрев находку, Сергей удовлетворенно кивнул и направился вверх по сопке – отдать последнюю дань товарищу по несчастью. Еще на подходе к вершине, где покоились останки вора, чуткий слух Решетова уловил какую-то возню и утробное урчание, раздававшиеся с той стороны, где лежало тело Ковальчука. Осторожно, пытаясь ступать по зелено-фиолетовому ковру мха бесшумно, он подкрался к зарослям кустов, венчавших вершушку сопки, и, вытащив из ножен штык-нож, раздвинул ветви...

То, что он там увидел, заставило его кровь похолодеть в жилах. Сердце гулко ухало в груди, а дыхание, сбитое видом отвратительного зрелища, казалось, застыло в легких... Возле исковерканного тела Ковалёва деловито копошились две мерзкие твари, от одного вида которых Сергея замутило: крупные – метра под два ростом; покрытые густым волосным покровом с серым отливом, кое-где свалывшимся от грязи; с мощными задними конечностями и слабаразвитыми передними. Чем-то, весьма отдаленно, эти существа напоминали *Homo sapiens* – прямоходящие; морды – не вытянутые, но покрытые шерстью. К тому же, увлекшись столь грязным делом, они, по всей видимости, общались. Отвратительные животные издавали низкие, словно идущие из недр живота, звуки. Этакое говорящее человеко-кенгуру с повадками вурдалаков. Приплюснутые лица прищельцев выражали крайнюю степень удовлетворения, а маленькие красноватые глазки горели от вожделения. Содрогаюсь от бешенства, Решетов наблюдал за тем, как своими узкими ртами без губ, оснащенными мелкими острыми зубами, твари вгрызались в мертвую плоть Ковальчука. Они радостно урчали, разрывая передними короткими лапками с острыми когтями ветхую окровавленную одежду на теле покойного вора. Жуткая картина происходящего создавала впечатление нереальности, но Сергей, привыкший доверяться своей интуиции, предпочитал действовать, а не рассуждать – он перехватил нож за лезвие и уверенным, точным движением метнул его в упыря, вырвавшего зубами кадык Ковалёва. Почти мгновенно за просвистевшим ножом последовала короткая автоматная очередь, прошившая внутренности второго существа, пытавшегося оторвать правую руку мертвеца. Инстинктивно оценив урон, нанесенный противнику, Решетов отметил безысходность положения твари, у которой из шеи торчала рукоять штык-ножа. Наперевес со своей «лопатой» он устремился к катающемуся от боли по земле вурдалаку, который пытался зажать передними лапами рваные огнестрельные раны на животе. Узрев противника, животное яростно зарычало и, забыв про смертельные ранения, ринулось в атаку. Сильное поджарое тело молнией взвилось с места, а маленькие лапки, увенчанные острыми когтями, нацелились в лицо Решетова. Потрясенный этим неожиданным выпадом, Сергей едва успел присесть, выставив вверх обломок лопасти. Искореженная сталь с трудом вошла в узкую грудную клетку, покрытую густой шерстью. Раздался омерзительный хруст и последовавший за ним обреченный вопль животного... Вне себя от ярости и омерзения, Решетов вскочил на ноги, вырвал из тела противника свое «оружие» и в исступлении принялся молотить им по крупной голове извивающейся твари до тех пор, пока последняя не засучила в агонии огромными задними лапами.

Тяжело дыша, Решетов с сомнением осмотрел издыхающую тварь, пару раз для уверенности пнул ее ногой и, не сочтя вурдалака опасным, осторожно подошел ко второму противнику. Лесное чудовище, обхватив отвратительными передними лапами короткую шею, словно пытаясь на грани смерти вытащить злополучный нож, замертво лежало на сырой траве. Сергей усмехнулся – что ни говори, удачный бросок! По всей видимости, нож мгновенно лишил жертву жизни, не произойди этого – Решетов оказался бы в весьма плачевном положении: один против двоих таких противников! Все еще опасаясь, Сергей осторожно выдернул нож из тела лесной обезьяны, по телу которой пробежала судорога. Из раны хлынул поток темной, почти черной крови. Седой с отвращением сплюнул на поверженную тварь и в очередной раз взглянул в затянутые серой пеленой небеса: «Да что ж такое творится вокруг!!!» Его полный отчаянья немой вопрос, обращенный к богам этого гиблого мира, так и остался без ответа – лишь ненавистный мелкий дождь, словно издеваясь,

усилился, утяжелившимися каплями обрушившись на обреченного бойца.

Следующие пару часов Решетов в буквальном смысле «сражался» с каменистой почвой, пытаясь выкопать последнее пристанище для тела Коваля. Проклятые валуны, накладываясь друг на друга, казалось, «нашпиговали» местный земляной покров. Наконец, когда неглубокая яма смогла претендовать на звание могилы, Седой с облегчением вздохнул, набросал на дно пушистых веток с фиолетовым отливом и, осторожно уложив на них труп Ковальчука, наспех завалил тело землей вперемишку с камнями. С минуту подумав, он увенчал небольшой холмик толстым сучком, расщепленным тем самым обломком винта, который послужил ему в качестве лопаты, – получилось некое подобие креста. Ну, теперь можно подумать и о себе... Решетов присел возле свежей могилы и уставился на своеобразное надгробие...

В голове была абсолютная пустота. Безмолвие окружающего леса, казалось, только подчеркивало ту безысходность, что окутала разум ошеломленного произошедшими событиями человека... Нереальность окружающего пейзажа; жуткие мертвые твари, валявшиеся неподалеку; сырость и холод, пробравшиеся, казалось, до самого сердца и обхватившие его своими склизкими лапами; само отсутствие хотя бы догадок о том, где же он все-таки находится, – все это сводило с ума и парализовывало способность объективно взглянуть на сложившуюся ситуацию. Седой в очередной раз тяжело вздохнул и вновь с опаской огляделся вокруг. Затем, обхватив руками голову, он прикрыл веки и до боли сжал челюсти...

Внезапно давно уже пустой желудок напомнил своему хозяину о том, что неплохо было бы что-нибудь съесть, настолько громко, что Сергей невольно вздрогнул, выведенный этим звуком из навалившейся апатии. Вздрогнул и... неожиданно для самого себя грустно улыбнулся.

– Что делать, что делать?! – передразнил он самого себя. – Выжить в очередной раз – вот что делать!!!

Седой осмотрелся и, выбрав дерево, превосходящее своей высотой остальные, устремился к нему – произвести, так сказать, рекогносцировку. Забравшись наверх, насколько это позволяли тонкие гибкие ветви, Сергей внимательным взором окинул окружающие его окрестности: куда ни глянь – повсюду простирались дебри сказочной тайги, словно проплешинами усеянные пятнами невысоких скал, выступающих из густой растительности. Похоже, выбор невелик... Хотя... Вон там, за дальней сопкой, угадывается какая-то брешь в лесном массиве, накрывшем незнакомую местность, словно одеяло. Ну что ж, за неимением альтернативы, отправимся в этом направлении. Решетов усмехнулся – хоть какая-то цель. Он спустился на землю, подобрал автомат и неторопливо, тщательно прочесывая настороженным взглядом окрестности на предмет обнаружения неожиданных гостей, двинулся в путь.

Мягко ступая по лесному ковру из мха и сырой травы, бдительно контролируя все происходящее вокруг, Сергей двигался вперед к намеченной им цели, расположенной где-то там, далеко-далеко от места крушения вертолета. Попутно он фиксировал все незначительные, но весьма неоднозначные детали окружающего пейзажа, каждая из которых в очередной раз доказывала ему пугающую своей безысходностью истину: он – чужой в этом неведомом мире. Или мир – чужой... Вот – россыпь лесных ягод, украшающих мох невысокого пригорка... Ягоды крупные, бледно-розового цвета, с гладкой глянцевой поверхностью, продолговатой формы... Вот – семейство грибов, венчающее поверхность

старого пня и выглядящее еще более необычно: синие с перламутровым оттенком, своим видом напоминающие кобру с раздутым капюшоном... Необычное даже для этого дикого пейзажа растение, крупным ярким пятном выделяющееся на фоне фиолетово-зеленой растительности. На толстом кислотно-желтом стебле вызывающе распустил поистине гигантские лепестки ярко-оранжевый бутон...

Заинтригованный, Решетов приблизился к цветку-исполину, с каким-то детским любопытством разглядывая это необычное растение. Он осторожно провел пальцами по толстому, на ощупь – ороговевшему краю одного из лепестков... Казалось, словно в ответ на это прикосновение, массивная чаша цветка склонилась к пришельцу, удостоившему ее вниманием, – длинные ворсистые тычинки ласково погладили небритую щеку незнакомца... Сергей невольно отшатнулся, почувствовав неприятный кисловатый запах, и внезапно... испытал необъяснимое чувство эйфории, охватывающей все его существо... Мир окрасился в радужные тона, исчезли все тревоги и страх перед необъяснимым. Разум Решетова погрузился в пучину ликования и невыразимой неги, обволакивающей его одурманенный мозг и налившиеся свинцом мышцы... Очарованный, не владея собой, он уже хотел зарыться лицом в эти манящие лепестки... как почувствовал, что кто-то осторожно, но настойчиво схватил его за лодыжки... Сергей опустил рассеянный взгляд вниз и похолодел... У его ног, перевившись, словно клубок змей, с тихим шелестом копошилась мощная корневая система огромного цветка. Внезапно она, сбросив с себя почву и мох, в мгновение ока оторвала его ступни от земли и приподняла в воздух на добрые метр-полтора!!! Волна адреналина ударила в затуманенное сознание наивной жертвы, но толстые черные корни чудовищного растения плотно обвили его ноги, торс и уже подбирались к лицу, лихорадочно пытаясь добраться мохнатыми кончиками до глаз...

Сергей взвыл, как пойманное в капкан животное, и неистово забился в смертельных объятиях растения-убийцы. Будто почувствовав угрозу, страшный цветок усилил хватку корней и, словно огромный паук, поволок свою добычу в сторону большой норы, открывшейся под сорванным корнями мхом. Все происходящее казалось до такой степени нереальным, что Решетов не успел даже толком испугаться, и это его спасло. Инстинкты возобладали над приступом животной паники, так и не дав ей парализовать организм. Неимоверным усилием Седому удалось высвободить правую руку, и он не замедлил этим воспользоваться – мгновенно нож оказался в сильной ладони, которая с отрешенной холодной яростью принялась полосовать толстые канаты, обхватившие тело. Растительный монстр издал леденящий душу скрежет, исходящий откуда-то из глубин чаши цветка, и попытался своими жесткими лепестками обхватить голову человека. И это ему почти удалось, но... очередной выпад сверкающего лезвия пришелся на основание огромного бутона... На грудь и лицо Седого брызнула мощная струя вязкой и зловонной жидкости, хлынувшей из смертельной раны. Монстр забился в конвульсиях... В предсмертной агонии стальные оковы сжались еще сильнее, пытаясь разорвать тело обидчика, мотая его из стороны в сторону. Амплитуда движений все увеличивалась и ускорялась, словно корни пытались размозжить свою жертву о землю. Наконец неистовое бешенство цветка стало ослабевать, а через несколько секунд и вовсе сошло на нет. Сергей сбросил с себя остатки смертельных пут и с облегчением выпустил воздух из легких. Совершенно неожиданно трепещущие корневые отростки собрались в один пучок и совокупной мощью ударили Решетова в область солнечного сплетения! Свет в глазах Сергея померк, а сознание пронзила убийственная мысль: «Это – конец!!!» Навалившийся мрак разорвала короткая

пронзительная вспышка, затопившая разум и отправившая Седого в небытие...

Очнулся он от легкого прикосновения – что-то настойчиво щекотало ему нос, щеки и подбородок, словно пытаясь вытянуть из объятий тяжелого забытья. Сергей едва смог приподнять отяжелевшие веки и... замер, объятый ужасом, омерзением и... еще черт знает чем... Прямо над ним, легко касаясь его длинными рыжеватыми усами, склонилась крупная звериная морда, настороженно обнюхивающая неподвижного человека. Как будто обрадовавшись неожиданной добыче, существо удовлетворенно ощерилось, открыв широкую пасть, усыпанную, словно у акулы, несколькими рядами крупных и острых желтоватых зубов. С десен существа стекали струйки мутной, вязкой слюны, капавшие на грудь Сергею. Судорога отвращения прокатилась по всему телу Решетова... Тварь, почуяв неладное, замерла... Медленно, словно в кошмарном сне, голова чудовища повернулась... Взгляд человека встретился с ненавистью и агрессией, сочащимися из глаз омерзительного противника... Уверенный в безоговорочной победе, зверь не отпрянул от тела жертвы, внезапно вернувшейся к жизни. Адский пес угрожающе оскалился и, с каким-то необъяснимым вызовом взглянув Решетову прямо в глаза, поставил тяжелую лапу на грудь добычи. «Даже не пытайся!» – отчетливо читалось во взоре ужасающего существа.

Полностью отдавая себе отчет в том, что жить ему осталось не более нескольких секунд, Сергей тем не менее сумел внутренне сконцентрироваться и судорожно шевельнул пальцами рук в надежде зацепить ими хоть что-то, что помогло бы ему в этой роковой ситуации... Вот и говори после этого, что чудес не бывает: лихорадочно шарящие пальцы наткнулись на гладкую поверхность рукояти ножа! Невероятно, но пес, казалось, разглядел вспыхнувшее в глазах человека воодушевление и предупреждающе зарычал, брызжа зловонной слюной. Но было поздно... Для пса... Злорадно подмигнув твари, Сергей всадил в ее брюхо длинное холодное лезвие и, не вынимая его оттуда, принялся полосовать животное изнутри. Локтем другой руки Седой инстинктивно прикрыл лицо и горло. Сделал он это не зря – стальные челюсти зверя мгновенно сомкнулись на рукаве плотной трофейной куртки, словно тысячью лезвий обрушившись на камуфлированную ткань. Рычание пса постепенно перешло в жалобное поскуливание. Но рука человека продолжала ожесточенно орудовать ножом до тех пор, пока пелена смерти не сковала застывшие глаза зверя. Но и после этого Решетов не успокоился – опрокинув тяжелую мохнатую тушу навзничь, он, матерясь, перерезал ей горло от уха до уха, практически отделив мощную голову от туловища. В этой резне выходила вся его ненависть к миру, в который его так неожиданно забросили. И в этом аду ему теперь придется существовать?!

Тяжело дыша, Сергей оттолкнул от себя мертвое тело противника, механически воткнул нож в землю – очистить лезвие от крови. Затем он сел на ближайшую кочку, вытирая окровавленные ладони о фиолетовый мох. Сколько же еще подобных тварей бродит по этому ненавистному лесу? Сколько зловещих капканов приготовила для него здешняя природа?! Да, такими темпами... Сергей покачал головой, мысленно прикидывая – надолго ли его хватит при подобных раскладах. Сознание посетила шальная мысль, которая все настойчивей терзала ошеломленный мозг... Все это – не его родной мир! Новая реальность, напоминающая непрекращающийся кошмарный сон, оставила где-то далеко привычные для него условия существования. В голову лезли совершенно идиотские мысли о параллельных мирах, так часто описываемых в фантастических романах. Решетов содрогнулся и внезапно почувствовал себя до ужаса одиноким... Настолько, что ему, словно волку-одиночке, захотелось по-звериному взвыть... Такого с ним еще не случалось... Даже в самых

непредсказуемых и критических ситуациях. Неожиданно нависшие над ним деревья заплясали в сумасшедшем хороводе, голова пошла кругом, а спазматически содрогающийся пустой желудок освободился от наполнявшего его желудочного сока... Сергей тяжело перевел дыхание, обтер губы и внезапно осознал, что он уже много часов ничего не ел. В последнее время ему было, мягко говоря, не до этого. Некоторое время он с сомнением разглядывал мертвое тело лесной твари, распластавшееся у его ног, затем решительно выдернул из земли нож и принялся нетерпеливо свежевать спину отвратительного зверя. Несмотря на омерзительность зрелища и дикость происходящего, Решетов чувствовал, как его рот наполняется слюной животного вожделения.

Когда несколько полос темного, сладковато пахнущего мяса были срезаны с хребта неведомого зверя, Сергей, неожиданно для самого себя, перекрестился и впился зубами в окровавленную плоть. Он отрывал зубами мелкие куски и, не жуя, глотал их, дабы не вызвать новых приступов тошноты – такому способу приема пищи его когда-то давно обучил взыскательный инструктор, знакомивший начинающих киллеров с искусством выживания в условиях дикой природы. Тогда это казалось смешным и нелепым, сейчас же – довольно урчащий Сергей благодарно кивнул, отдавая должное предусмотрительности наставника. Наконец, когда истомленный желудок был наполнен, Решетов блаженно рыгнул и откинулся на мягкий ковер мха, не обращая внимания на капли ненавистного дождя, сыплющегося на лицо из серой пелены, скрывающей небеса. Несмотря на холод и сырость, пробравшиеся, казалось, до самого сердца, отяжелевшие веки сами собой закрылись... Сквозь легкую дрему послышался хруст веток и приглушенное рычание... Сергей мгновенно вскочил на ноги и сонным взором обозрел окружающее пространство – ничего... Секунду спустя содрогнулись кусты в паре десятков метров, и какая-то неуловимая тень промелькнула, скрывшись в густых зарослях. Собрат волка-мутанта? Или еще какая нечисть? Несмотря на дикую усталость и сытую дремоту, овладевшую изможденным организмом, нужно подумать и о безопасности. Решетов внимательно осмотрел ближайшие деревья – не то... Да и располагаться для сна вблизи трупа поверженной твари – верх неосторожности. Сколько еще подобных созданий может рыскать здесь в поисках пищи? К тому же в лесу заметно потемнело – близились сумерки, и неизвестно, какие еще отвратительные монстры выйдут на ночную охоту. Взглянув на остатки своей трапезы, он прикинул – не пропадать же добру – и, отыскав поблизости куст с довольно крупными листьями, завернул в них оставшееся мясо и спрятал в широкий боковой карман. Тяжело вздохнув, Сергей снял с дерева автомат и устало, но не теряя бдительности побрел в выбранном ранее направлении, попутно обозревая местность на предмет безопасного укрытия для отдыха. Передвигаясь, он наткнулся на маленькое лесное озерцо, которое в сгущающейся темноте преградило ему путь. Измученный на протяжении долгого времени жаждой, Сергей склонился было над спасительным водоемом, но на мгновение замер: пригодна ли здешняя вода для потребления внутрь? Через мгновение он хмуро покачал головой: а что вообще здесь для него пригодно? Осторожно понюхал воду – ничего странного. Опершись на руки, коснулся гладкой поверхности воды губами и сделал маленький глоток... Вроде нормально. Затем, отбросив сомнения, припал к желанной влаге. Вволю напившись, Сергей продолжил свой путь. Надвигающаяся ночь заставляла Решетова ускорить шаг: еще немного – и в лесу будет не видно ни зги.

Некоторое время спустя он все-таки нашел подходящее место для грядущего ночлега – то была развесистая сосна (или как ее там). По всей видимости, дерево было изрядно повреждено в далекой молодости – стол его был расщеплен надвое. В дальнейшем же

покрытые толстой корой сучья образовали некое подобие большой корзины естественного происхождения. Сергей настороженно огляделся, затем закинул «калаш» за спину, высоко подпрыгнул и ухватился за толстый сук дерева. Вскарабкавшись к месту предполагаемой ночевки, он прикинул расстояние до земли, оценил зелено-фиолетовую завесу, скрывающую его от неожиданных гостей, и удовлетворенно кивнул – то, что нужно. Затем стащил с себя ремень, опоясался, прихватив тот сук, на котором расположился, и, застегнув пряжку, довольно вытянулся всем телом на импровизированном ложе. Почти мгновенно его глаза закрылись, повинувшись неодолимому желанию отдохнуть в относительной безопасности...

На протяжении всей этой холодной долгой ночи Сергей, несмотря на дикую усталость, так и не смог толком заснуть. Кошмарные видения коротких снов, наполненные экзотикой здешнего мира, то и дело перемежались зловещими звуками, наполнявшими враждебный ночной лес: шорохи, отдаленное рычание, крики ночных птиц – все это сводило с ума... В очередной раз проснувшись, Седой едва слышно ругался, поминая недобрым словом неутомонных лесных обитателей, и, удостоверившись, что ему ничто не угрожает, вновь пытался уснуть. Наконец, когда непроницаемый ночной сумрак начал рассеиваться и ночные охотники вдоволь напрыгались и наелись, Решетову удалось на пару часов забыться тревожным, но глубоким сном...

Проснулся он от непрерывной визгливой птичьей трели, раздававшейся, казалось, над самым его ухом. Сергей едва разлепил опухшие от беспокойной ночи веки и злобно уставился на маленькое пернатое создание, верещавшее на ветке в метре от него. Распустив веером шикарный хвост, чем-то напоминавший павлиний, крылатый лесной обитатель яростно драл свою маленькую луженую глотку, ничуть не беспокоясь по поводу разбуженного недовольного соседа, который с ненавистью смотрел на него. Седой смачно плюнул в нанопавлина, метко угодив ему в самую голову, – птицу словно ветром сдуло. Решетов блаженно улыбнулся и сощурился от луча солнца, прорвавшегося сквозь хвойную завесу. Ну, слава богу! Хотя что-то приятное существует в этом мире. А ведь еще вчера ему начало казаться, что здешние небеса не извергают ничего, кроме ненавистного дождя. Что ж, это уже лучше! Разминая затекшие мышцы, Сергей лениво потянулся и, расстегнув пряжку ремня, уселся на своем ложе и огляделся. Освещенный лучами солнца, лес, казалось, преобразился. Вокруг раздавалось жизнерадостное пение птиц; ласковый ветерок играл кронами лесных великанов, в цвете которых уже не столь явно фигурировала фиолетовая составляющая. Причудливые и меняющиеся лесные тени наполняли некогда мертвый лесной массив жизнью, бьющей ключом. Вчерашние события, исполненные смертельной опасности, сейчас казались эпизодами тяжелого, кошмарного сна. Сергей невольно поежился и вновь ощутил невыразимое одиночество, охватившее его вчера. Неплохо бы осмотреться...

Расстегнув и сбросив с себя пропитанную влагой куртку, Решетов прикинул расстояние до соседнего дерева, намного превосходившего по высоте то, в ветвях которого он заночевал, и, сконцентрировавшись, перепрыгнул на него. Путь на вершину лесного великана был недолгим, и уже через пару минут Сергей смог оценить красоту здешнего неба...

То, что он увидел с вершины дерева, едва не повергло его в бездну животной паники и безумия... Не веря своим глазам, крепко вцепившись слабеющими от шока руками в колючие сучья, Сергей с ужасом и восторгом смотрел в лазурную даль... В отличие от привычного земного солнца, светило этого мира было ослепительно-белого цвета и заметно уступало ему в диаметре. Казалось, что его энергия била из микроскопической точки, но сила ее была

такова, что испарения влажной почвы туманом клубились над лесом. Но не этот факт заставил разум Сергея застыть в оцепенении... Справа от него, так близко, что казалось – можно дотянуться рукой, в безбрежном небесном океане парило огромное небесное тело, опоясанное кольцом метеоритов... Оно, подобно его родной планете, было окутано голубоватой дымкой, сквозь которую легко угадывались очертания материков и омывающих их океанов. С одной лишь разницей – это были не контуры Земли...

Еще некоторое время Сергей оцепенело обозревал представшее его взору великолепное и одновременно ужасающее зрелище, затем вяло и отрешенно, словно усталый ленивец, полез в свое убежище. Тяжело плюхнувшись на куртку, он невидящим взором уставился в одну точку... Абзац – приплыли! Больше сомнений быть не могло: все это – не какой-то экзотический уголок его родной планеты, а совершенно иная реальность. Чувство апатии внезапно переросло в холодный всепоглощающий гнев. Гребаные менты!!! В какую треклятую, богом забытую дыру они его засунули?! В ярости Решетов коротким мощным ударом заехал по стволу дерева и, не обращая внимания на боль в ободранных суставах пальцев, обхватил ладонями седой ежик волос. Во попал! Просидев в такой позе какое-то время, он наконец с огромным трудом смог-таки взять под контроль эмоции и криво усмехнулся: теперь уж точно будет что вспомнить перед смертью. Так... Взглянем на полученный расклад... Тюремный срок совершенно необычным образом трансформировался в десант на... другую планету? В параллельный мир? Еще черт знает куда? По сути – не так это и важно... Следовательно, в игру помимо ФСИН включились какие-то сугубо секретные спецслужбы, в ведении которых находятся весьма неоднозначные научные изыскания. Сергей наморщил лоб – начкар плел что-то про ИК-777, находящуюся в каком-то отдалении... Вспомнились слова караульного о загадочном переходе... Еще тогда, в вертолете, этот вопрос показался Решетову очень и очень странным... Уже на тот далекий момент повидавший на своем веку всякого Сергей заподозрил неладное: странный этап, подготовка конвоя, пожизненное заключение, вертолет, загадочный «переход» и резкое похолодание... Задумчиво отдирая кожу на свежей ссадине, он старательно пытался составить резюме, анализируя сложившуюся ситуацию. Итак, он в неведомом мире, куда наши доблестные спецслужбы нашли какой-то загадочный лаз, – это раз! Сергей невольно улыбнулся полученной рифме. В этом мире существует некая колония, где ведутся то ли научные, то ли еще какие разработки, по всей видимости – связанные с огромным риском для здоровья или даже жизни, иначе – зачем еще этапировать сюда заключенных. Это – два! Исходя из реплики конвоира, есть некий переход... коридор, ведущий отсюда на его родную Землю, и находится он в строго определенном месте, так как к месту переброса нужно добираться на вертолете... Следовательно, чтобы вернуться домой, ему нужно разыскать загадочный лагерь, найти компетентных в данном вопросе лиц и вытрясти из них всю возможную информацию. Затем требуется угнать вертолет и по-быстрому свалить отсюда... Делов-то! Сергей тяжело вздохнул, представляя возможные перипетии, которые могут возникнуть на пути к его цели. Шутка ли – поставить на уши целую колонию, находящуюся под патронажем спецслужб, которая к тому же расположена у черта на куличках!

Весь текущий день и следующий Решетов осторожно пробирался по дебрям неведомого мира, изредка делая короткие привалы. Мяса убитого им хватило лишь до вечера, поэтому Сергею пришлось попутно пополнять свой скудный рацион. Не желая по пустякам расходовать остатки боекомплекта, он ухитрился с помощью ножа завалить жирного «тетерева», как он его окрестил, хотя с реальным земным представителем фауны сходство

заклучалось лишь в размерах птицы. Благо, воды в этом диком краю было предостаточно – то и дело Седой наткался на мелкие порожистые речушки, соединявшие системы небольших озер. Умываясь вблизи шумевшего переката, он заметил хребты игриво снующих среди камней довольно крупных рыб. Несколько минут спустя серебристая, с зеленоватым отливом красавица яростно трепыхалась на берегу, отчаянно пытаясь скатиться в спасительную воду. Отобедав своеобразным суши, Сергей пожалел об отсутствии васаби и палочек и вновь продолжил свой путь. К его великому удивлению, на пути больше не попадалось каких-либо устрашающих хищников и прочей нечисти, с которой Решетов успел вволю навоеваться по прибытии в этот негостеприимный мир.

К вечеру третьего дня Сергей непроизвольно ослабил бдительность, и это едва не стало его роковой ошибкой. В сгущающихся сумерках он по привычке отыскивал себе место для ночлега, разглядывая кроны деревьев и не особо заботясь о том, что находится непосредственно перед ним. Внезапно приглушенное утробное рычание заставило его замереть на месте... Никакого молниеносного броска не последовало, и Решетов медленно повернул голову влево – туда, откуда послышался сей злоеущий звук. Метрах в пяти-шести от него из-за толстого ствола развесистого дерева выглядывала омерзительная морда вурдалака-кенгуру, впери в Сергея свой полный ненависти взор красновато-желтых глаз. Из недр отвратительной пасти лился поток угрожающих подвываний, который как бы предупреждал незваного гостя: «Ни шагу дальше!» Весьма удивленный тем, что зверь не напал на него внезапно, Сергей очень медленно и плавно повернулся к потенциальному противнику, чуть ли не шепотом говоря: «Тихо, пушистик, тихо...» Одновременно он осторожно снял автомат с предохранителя. Негромкий щелчок, казалось, подействовал на лесного обитателя настораживающе – крупное тело тут же плавно выплыло из-за толстого ствола, рычание усилилось, а мощные нижние конечности подогнулись, словно готовясь совершить прыжок. Сергей снова замер, закрывая телом правую кисть, указательный палец которой уже лег на спусковой крючок... Зверь медлил, лишь угрожающее рычание приобретало все более яростный оттенок. И тут Сергея словно осенило: существо не хочет нападать, оно лишь предупреждает!

– Ладно, парень, – ровным голосом произнес Решетов, – ладно... Тебе проблемы не нужны, я это понял. Мне они тоже ни к чему... Расходимся?

Сергей медленно поднял руки повыше, так, чтобы его открытые ладони были видны вурдалаку, и плавно сделал два шага назад. Зверь отреагировал мгновенно – яростный рык перешел в недовольное сопение, а мышцы заметно расслабились. Решетов облегченно перевел дыхание и, пятясь спиной вперед, сделал еще несколько шагов назад. И тут вся загадочность возникшей ситуации в одно мгновение стала ясной как божий день: из большого куста с нежно-ворчливым попискиванием к ногам огромной твари выкатились два мохнатых комка, которые, сверкая маленькими глазенками и неуклюже переставляя задние лапки, принялись приплясывать возле своего родителя, явно от него чего-то требуя. Не спуская предостерегающих глаз с пришельца, вурдалак заворчал, пытаясь пристрожить свой разбушевавшийся выводок.

– Понимаю, косматый, понимаю: семья превыше всего! – тихо рассмеялся Сергей, подмигнул злоеущему семейству и, развернувшись, зашагал прочь от места нежданной встречи, досадуя по поводу того, что ночной лагерь придется искать в потемках.

Ранним утром, едва забрезжил рассвет, Решетов продолжил свой уже казавшийся бесконечным путь. Недалеко от того места, где накануне вечером он повстречал необычное

семейство, Сергей замедлил шаг и настороженно огляделся вокруг – никаких следов пребывания вурдалаков... Нет, вот у того большого куста заметно потрепаны, словно обкусаны, ветви... Да, это именно из него вчера выкатились маленькие звереныши! Внезапно взгляд Седого уперся в широкую, усыпанную сухими иглами и старыми листьями лесную тропу... Ну, наконец-то! Хотя какое-то доказательство разумной жизни в этом гиблом мире. Сердце бешено заколотилось, и с каким-то необъяснимым воодушевлением Сергей мягко ступил на лесную дорогу, которая, возможно, приведет его... Куда? А, не важно! Лишь бы аборигены хоть отдаленно напоминали разумных существ, а там – договоримся!

Около часа Решетов пробирался по утоптанной тропинке, осененной кронами нависавших над ней деревьев, произвольно рисуя себе в воображении встречу с местными «папуасами». Мало-помалу лесной массив расступался и дорожка заметно расширялась – похоже, до цели путешествия оставалось совсем недалеко. Сергей благоразумно свернул с тропы – вторгаться наобум во владения лесных обитателей было бы верхом неосторожности. Пробираясь параллельно дорожке и стараясь не терять ее из виду, Сергей заметил впереди широкий просвет между деревьями и вновь замедлил шаг, стараясь, чтобы ни одна ветка не хрустнула под подошвами берцев. Он еще дальше углубился в лес – прочь от лесной тропы. Завидев впереди небольшую скалу, поросшую мелкими кривыми деревьями, легко взобрался на нее и ошеломленно воззрился на картину, представшую его изумленному взгляду...

На огромной, метров четырехста в диаметре, поляне, окаймленной диким лесом, располагалось множество довольно крупных пригорков. При более внимательном рассмотрении они оказались искусственными сооружениями, слепленными из веток, земли и камней. Вне всякого сомнения, эти творения местной архитектуры являлись жилищами каких-то существ, о чем красноречиво говорили зияющие дупла входов в землянки и маленькие окошечки в своеобразных стенах. Пространство между домиками было плотно утоптанно, кое-где наблюдалось даже некоторое подобие изгородей из грубо натыканных в землю кольев. М-да, цивилизация, блин...

– Мегалополис, мать его! – зло сплюнул в сторону Сергей.

Внезапно его внимание привлек звук, напоминающий крик младенца, и последовавшее за ним нежное басовитое ворчание. И тут все надежды Решетова на контакт с внеземной цивилизацией растаяли, как таблетка «Алказельцер» в стакане с водой... Из ближайшей к месту дислокации Седого лачуги, тяжело переставляя мохнатые лапы, вылезла, по всей видимости, уже довольно пожилая вурдалачиха. Она, недовольно ворча, пыталась приложить бьющийся у нее в руках комок меха к огромной обвисшей груди. Видимо, адский поселок еще только просыпался, поскольку только возле нескольких землянок наблюдалось какое-то шевеление. Как заметил Сергей, одни лишь представительницы прекрасного пола поднимались в сей ранний час. Вполне вероятно, что мужское население деревеньки отдыхало после ночных «дел праведных».

Кормящая мамаша, бурча что-то себе под нос, неторопливо прошлась по маленькому дворику, деловито пошевелила тяжелой облезлой лапой кучу какого-то тряпья, сваленную у входа, и недовольно гаркнула в зияющую темноту хижины. Тут же из недр жилища раздался ответный писк, и на свет божий неуклюже вывалилось маленькое мохнатое создание, волоча за длинные темные волосы человеческую голову. Лоб Сергея покрылся холодной испариной при виде того, как малыш-вурдалак подтащил свою страшную ношу к бесформенной груде тряпья и аккуратно положил ее рядом. Только сейчас Решетов с леденящим кровь ужасом осознал, что старуха теребила ногой не грязные лохмотья непонятного происхождения. То

было переломанное, лежащее в неестественной позе человеческое тело! И тело это, судя по приложенному юным вандалом атрибуту, еще совсем недавно принадлежало молодой девушке! Картинка мгновенно сложилась в затуманенном невероятностью происходящего сознании: вчера вечером он повстречался и затем мирно разошелся с папашей, обучавшим своих детишек ночной охоте... Шепотом выматерившись, Седой ударил кулаком по небольшому камню, из-за которого он наблюдал за омерзительным зрелищем. Эх, если бы он только мог догадаться тогда о помыслах нелюдей!

Поток мстительных мыслей был внезапно прерван шуршанием мелких камней, которые от спонтанного удара Сергея покатались по склону в сторону обители отвратительных тварей. Старая «скво» мгновенно сориентировалась на мелкий обвал, вскинула голову и, заметив седую макушку Решетова, извергла из своего нутра леденящий душу протяжный вой... Практически мгновенно из «хижин» повыскакивали особи мужского пола и, повинаясь взмаху старушечьей лапы в сторону Сергея, гигантскими прыжками устремились в сторону нежданного гостя. На несколько коротких мгновений Седой впал в психологический ступор, глядя на немыслимо быстро приближающихся тварей: они практически летели вверх по склону, неимоверно мощно работая нижними конечностями. «Сколько их – семь, нет – восемь!» – лихорадочно облизнул губы Сергей и, не сводя глаз с враждебных оскалов нападающих, снял автомат с предохранителя.

Первая короткая очередь снесла полчерепа у вырвавшегося вперед зверя – тело его еще с десятков метров пролетело по инерции вперед. Раз... Вторая и последняя из пристегнутого магазина очередь раздробила коленные суставы чудовища, следовавшего за своим поверженным собратом, – вурдалак, словно подкошенный, грянулся оземь, издав протяжный, полный ярости рев. Второй есть... Решетов механически поменял рожок, и уже через пару секунд еще две лесные образины сучили своими чудовищными лапами в предсмертной агонии. Четверо... Остальные атакующие словно не замечали машущую над ними своей косой Смерть. Исполненные звериной злобы, они неумолимо сокращали и без того ставшее уже ничтожным расстояние, отделявшее их от врага, вторгшегося в родное поселение. Сразив очередного, пятого по счету, противника, практически отделив выстрелом его голову от тела, Седой обреченно вздохнул: в магазине всего четыре-пять патронов – на троих не хватит! До приближающихся монстров оставалось не более пятнадцати метров... Решетов тщательно прицелился, выпустил остатки боекомплекта прямо в морду шестой твари и швырнул ставший бесполезным автомат в сторону оставшихся недругов. Затем, коротко переведя дыхание, он устремился в дебри тайги – прочь от треклятого поселка.

Тяжелые ветви длинными иглами хлещут по лицу... Правая нога на секунду застряла в трухлявом пне... Душу мать! Сзади – казавшийся оглушительным хруст ветвей от коротких приземлений тяжелых тел... Рычание обезумевших от близости жертвы вурдалаков, словно тисками, сжимает трепещущее сердце... «Ну, вот, Сережа, ты и приплыл...» За ближайшей развесистой сосной – каменная отвесная стена... Да и плевать! Еще сто метров такого спринта – и он все равно рухнул бы, задыхаясь, на землю...

Тяжело дыша и цепляясь левой рукой за скалу, Седой извлек нож и прислонился спиной к каменной преграде. Он выставил сверкнувшее на солнце лезвие в сторону противников, слюна вождения которых мутными брызгами разлеталась в окружающем пространстве. Ближайший монстр, не мудрствуя лукаво, всем весом налетел на казавшуюся беззащитной жертву. Впившись крючьями твердых когтей в грудь Сергея, он с вождением запустил свои длинные клыки в правое плечо Решетова. Заорав от пронзившей все тело боли, Сергей успел-

таки крест-накрест располосовать брюхо твари. В подернутых пеленой безумия глазах вурдалака мелькнула тень недоумения. Взыв, он согнулся пополам и медленно отступил назад, прижав короткие передние лапы к страшным ранам на волосатом брюхе. Решетов почувствовал онемение, расплывавшееся по всему телу от места укуса, но, несмотря на это, злорадно рассмеялся похожим на карканье хохотом и с вызовом уставился на подоспевшего последнего преследователя. С сумасшествием в глазах, весь в крови и с дикой блуждающей улыбкой, он сейчас мало чем отличался от своих диких противников. Жажда крови – вот все, что сейчас владело сознанием загнанного в угол человека.

Вторая тварь оказалась на удивление осторожной, видимо, ее впечатлил облик корчащегося от боли собрата. Вурдалак остановился в паре метров от Сергея и с ненавистью уставился ему прямо в глаза. Какая-то сверхъестественная животная паника охватила разум Решетова, когда взгляды противников встретились. Казалось, он цепенеет от неземной ненависти, сочащейся из глаз зверя... Или то были последствия укуса в плечо? Не имеет значения – жить ему осталось не более нескольких минут...

– Ну, сука, чего стоишь?!! – прохрипел Седой, переложив нож из онемевшей правой руки в левую. – Ко мне, тварь!!!

Зверь не ринулся в лобовую атаку – вместо этого он стал совершать внезапные невысокие прыжки то влево, то вправо, время от времени делая выпад мощной нижней лапой в сторону Сергея.

– Мля, ты прям Мухаммед Али, мать твою! – заплетающимся языком промямлил Решетов, чувствуя холод, разливающийся по телу. Судя по всему, раненый в брюхо йети отомстил ему, впрыснув в организм какой-то яд. – Хорош пры...

В этот момент огромная пята вурдалака точным ударом взломала его залитую кровью грудную клетку, кроша ребра и глубоко вбивая их обломки в легкие...

«Писец!» – пронеслось в одурманенном сознании Сергея.

Окружающее пространство уже начало заплывать кровавым туманом, когда голову торжествующего зверя сверху насквозь пробила длинная стрела, пригвоздив верхнюю челюсть к нижней. С короткими промежутками с той скалы, по которой Сергей сползал прямым в теплые и мягкие объятия смерти, просвистели еще несколько стрел, дрожащим оперением символизируя окончание лесной баталии. Окровавленные губы Седого расплылись в предсмертной улыбке, когда над ним с озадаченным видом склонился пожилой высокий мужчина с длинным тугим луком в руке и охапкой стрел, торчащей из-за широкого плеча.

– По-любому – спасибо, брат... – прошептал Сергей и провалился в омут небытия...

Пустота... Невыносимый жар в воспаленной груди, разрываемой на части тысячей разъяренных маленьких бесов... Не-е, это не рай! По всей видимости, нагрешил ты, Сережа, в этой жизни – мама не горюй... Таким одна дорога – charterным рейсом в ад, где, судя по всему, ты сейчас и находишься... Почему так темно?!! Ах да, глаза... Видимо, и в загробном мире их принято открывать. Очень... очень нужно открыть их и найти в себе силы отогнать тех маленьких чертей, что терзают его грудь! Застонав, собрав всю волю в кулак, Решетов сумел-таки свершить это неимоверно сложное деяние. Невероятно, но взгляду его предстало отнюдь не великолепие ада... Сквозь кроваво-мутную пелену он увидел немыслимо голубое небо, обрамленное ветвями высоких деревьев, колышущиеся листья которых что-то упорно шептали ему. Сергей моргнул, пытаясь избавиться от ненавистной пелены, и, скосив взгляд вправо, увидел того самого мужчину, что выпустил дух из последнего упыря, атаковавшего его. Поверхность, на которой возлежал Сергей, тряслась и временами вздрагивала так, что в глазах от невыносимой боли вспыхивали развесистые пучки молний. «Меня везут на какой-то телеге», – отрешенно подумал Решетов. Куда – этот вопрос на данный момент интересовал его меньше всего. Удивительным было другое – он до сих пор жив! В его сознании навек отпечатался страшный удар, крошащий ребра и разрывающий легкие... После такого не живут! Седой хотел удивленно покачать головой, но... не смог этого сделать – мышцы тела совсем его не слушались. Да, как такового, он и не ощущал этого самого тела... Лишь невыносимая, вытягивающая душу боль в том месте, где должна находиться грудь... Там сейчас... кровавое месиво, настигнутое обломками костей! Сергею захотелось завывать, словно смертельно раненному зверю, но голосовые связки его не слушались. И тут облом!!! Судя по оружию и одежде людей, спасших его, нанотехнологии в этих местах не в чести. Стало быть, как ты ни крути, дорога для него одна – на тот свет... «Уж лучше б добили на хрен!» – со вполне объяснимой злобой покосился Решетов в сторону своего спасителя, ехавшего на повозке возле него и старательно правившего лезвие длинного клинка грубым брусом.

Казалось, спутник почувствовал исполненный злобы взгляд лежащего рядом человека, потому что тут же бросил свой меч на телегу и склонился над Сергеем, с тревогой оценивая его состояние. В темно-серых глазах, по всей видимости немало повидавших на своем веку, отчетливо читалась жалость и какая-то необъяснимая безысходность по отношению к подопечному. «Ну, не медли – добей!» – с вызовом взглянул Решетов на сидящего рядом. Посмотрел... и словно разбился о стену непробиваемого спокойствия и уверенности, лучащихся из глаз пожилого мужчины. Тот дружески, можно даже сказать, с оттенком суровой ласки прошептал что-то и легко коснулся крепкой ладонью плеча Седого.

– Эт орано! – густым басом пророкотал он куда-то в сторону.

– Вауно! – ответил ему чистый звонкий голос, и над Сергеем склонилось женское лицо, коснувшись его щеки темным локоном волос.

Девушка легко запрыгнула на повозку рядом с Решетовым, который почувствовал, что его голову осторожно приподнимают и что-то под нее подкладывают. От этих едва заметных движений грудная клетка Седого буквально вскипела, а из уголков рта хлынула вязкая жидкость. Он тяжело застонал и на миг погрузился в спасительные объятия темноты, бросившейся на него со всех сторон... Когда Сергей вновь смог открыть глаза, то увидел, что

рука девушки светлым платком бережно оттирает его губы.

– Калети! – едва слышно прошептали ее губы, а серые, такие же как глаза мужчины, но отнюдь не суровые, а нежные и исполненные растерянности и жалости, очи встретились со взглядом Седого.

Девушка попыталась улыбнуться ему, но вышло у нее это так неуверенно и жалостливо, что она немедленно отвернулась. «Ладно, красотка, я и сам знаю, что мне кирдык!» – мрачно подумал Сергей и попытался улыбнуться в ответ. В следующий момент темноволосая приложила к его губам горлышко стеклянной фляги и попыталась влить ее содержимое в рот умирающего. Поток обжигающей влаги ринулся в горло Решетова, который тут же поперхнулся, но большая часть вливаемого уже успела проникнуть в его нутро. Сергей молился всем богам, чтобы это зелье оказалось ядом, но вскоре боль утихла, а сознание начало обволакиваться тяжелой сетью необъяснимой неги и тепла, шедших из глубины живота. Седой с благодарностью взглянул в глаза милого ангела-хранителя, сидевшего рядом, и снова впал в забытие...

Очнувшись в следующий раз, он обнаружил себя в тускло освещенной небольшой комнате с низким каменным потолком. Серые стены из грубо обтесанных камней навевали мрачные мысли о склепе. Неровный свет короткими всполохами рвался из двух металлических чаш, располагавшихся по обе стороны от его ложа, причудливыми и угрожающими тенями танцующими на стенах непрезентабельной опочивальни. «Прям чистилище». Сергей попытался тяжело вздохнуть и вновь едва не потерял сознание от адской боли, взорвавшей грудную клетку. Вернулось ощущение тела, но это не принесло ожидаемой радости – едва попробовав пошевелиться, он претерпел такие страдания, что тут же отказался от малейших телодвижений. Всегда и везде, в самых критических ситуациях Седой стремился лишь к одному – выжить, выжить любой ценой. Даже тогда, в самолете, несшем его из жаркой Ливии на Родину... Во время этого страшного перелета он умирал и воскресал несколько раз, потому что знал: дома его ждут люди, у которых есть все средства и возможности, чтобы поставить его на ноги. А сейчас... Смертельная рана, несопоставимая с жизнью... Отсутствие элементарного оборудования и лекарств. Лишь какое-то наркотическое снадобье, которым его время от времени потчуют... Палата, похожая на обитель мрачных идолопоклонников... И что самое главное – он здесь чужой и абсолютно никому не нужный... Сдохнуть бы побыстрей...

Поток суицидальных мыслей прерывает старуха, обтирающая его лицо влажной тряпкой. Через секунду – уже знакомое стеклянное горлышко возле губ. «Хватит поить меня этим дерьмом! Хватит поддерживать жизнь трупа!!!» – хотелось крикнуть Решетову, но он лишь стиснул зубы и, преодолевая боль, отвернулся. «Не хочу больше... так!!!» Но неутомная сиделка поворачивает его голову и насильно пытается влить содержимое склянки в его рот, ее сильные пальцы разжимают челюсти, склянка наклоняется... И тут Седого прорвало... Мощный выброс адреналина сделал свое дело! Непостижимым образом он сел на постели, схватил женщину за шиворот, вырвал из ее рук довольно внушительную бутылку и жадно припал к горлышку. «Хоть от передоза загнись, в экстазе – всегда мечтал о такой смерти!» – зловещим хохотом неслось в его сознании, пока несчастная женщина что-то сбивчиво лопотала, пытаясь вырвать сосуд из рук обезумевшего больного. Выпив все до капли, Сергей выпустил плачущую женщину, еле слышно прошептал: «Прости...» – и, прикрыв глаза, блаженно улыбнулся губительному забвению, несущемуся на него в ореоле фейерверков и танцующих радуг...

...Костлявая, ау... Ты уже коснулась меня своей тощей лапкой? Темнота... Могильная тишина... Нет звуков, нет видений... Ничего нет... Абсолютно ничего... Хотя вру – мысли-то есть! Есть, но какие-то вялые и разрозненные, словно рождены не мозгом, а витают где-то сами по себе... Так я, вашу мать, жив или мертв?! Вопрос, естественно, остался без ответа, но эта вспышка ленивой злости каким-то образом повлияла на покрывший все мрак. Медленно, словно преодолевая миллионы световых лет, в окружающее пространство тянутся янтарные нити неземного свечения, которые, обволакивая и вытаскивая из мрака очертания предметов, колонн, стен, чертят в воздухе уже знакомую для Седого опочивальню, в которой он умирал... Да, это именно та мрачная комната: каменные стены, нехитрое убранство, две широкие лампы по обе стороны ложа, на котором распростерто тело мужчины... Мужчины... Е-мое, это же я!!!

Нельзя сказать, что сознание Решетова парило под потолком или еще где-то. Он видел всю картину одновременно из множества ракурсов и в то же время чувствовал, что в теле побелевшего мужчины с губами цвета индиго еще теплится искра жизни. Чувствовал потому, что, находясь повсюду, все же не утратил связи с казавшимся мертвым организмом, хотя члены его уже не повиновались приказам мозга.

– И что, по-вашему, я должен делать теперь? – горько обратился Сергей непонятно к кому.

«Непонятно кто» оставил его глупый вопрос без внимания, но сквозь дверной проем в комнату проникли посторонние звуки, очень скоро трансформировавшиеся в приглушенный разговор на незнакомом Седому языке. В помещение вошли двое, уже знакомые Сергею: высокий статный пожилой мужчина и та самая девушка, что поила его дурманящим зельем по дороге сюда. Семейное сходство между этими двумя людьми не оставляло сомнений, что комнату умершего посетили отец и дочь. Мужчина был одет в камзол из хорошо выделанного сукна, штаны из тонкой кожи и высокие сапоги. На широком поясе прицеплены ножны с длинным узким клинком, вершину эфеса которого венчал черный отполированный камень. Во всем его облике сквозило истинное благородство, уверенность и дух настоящего мужчины-воина. Волевое открытое лицо наполовину скрывала аккуратно подстриженная черная борода, щедро посеребренная сединой, а темно-серые глаза, взгляд которых был тверже стали, на удивление нежно взирали из-под косматых бровей на спутницу, опирающуюся на его руку.

Если говорить о девушке, то, едва коснувшись взором ее прекрасного лица, Седой горько пожалел, что тело его находится на смертном одре. Очаровательные, безмерной глубины глаза, даже несмотря на то, что на данный момент они наполнены скорбью, наверняка способны растопить сердца тысяч мужчин, а прелестные полные губы были достойны воплощения на холсте великого художника. Роскошные, черные как смоль волосы собраны сзади с помощью легкой золотой заколки. Одета молодая женщина была просто, но изысканно – скромное легкое платье и плотный плащ, скрывавший от невольного наблюдателя изгибы соблазнительного тела.

Общаясь вполголоса, мужчина и его дочь подошли к бездыханному телу Решетова, и рука девушки крепче впилась в локоть отца. Осторожно, словно опасаясь чего-то, пальцами второй руки она коснулась холодного лба Сергея. Задержавшись лишь на миг, ее пальчики скользнули к шее – туда, где должна пульсировать сонная артерия, и надолго остались там. Тень надежды на прекрасном челе постепенно сменилась выражением горечи и необъяснимой ярости. Вскоре Сергей понял причину сочетания подобных чувств: женщина

что-то произнесла сквозь зубы, словно ругательство, и пнула ножкой в изящном башмачке ту самую бутылку из-под сильнодействующего обезболивающего, что валялась подле кровати. Мужчина обнял дочь, ласково заглянул в ее полные ярости глаза и что-то успокаивающе заговорил. Внимая доводам отца, она послушно кивнула головой и спрятала лицо на широкой груди мужчины, который, словно прощаясь, легко коснулся плеча Решетова и глубоко вздохнул. Затем мужчина ласково подтолкнул дочь к выходу, а сам задержался еще на несколько секунд – задуть лампы. После этого он тяжелой походкой последовал за нею.

«Аминь!» – злобно подумал Седой и впал в полнейшее уныние. Несколько томительных часов ничего не происходило в наполненной смертью мрачной опочивальне. Сознание Седого металось в пространстве этого склепа, не в силах вырваться за его пределы – связь с телом была еще очень прочна. Настроение плененного духа менялось от глубочайшей безысходности до неистовствующей истерии. «Где, дьявол вас возьми, яркий свет в конце тоннеля?! Или волосатые черти со своими раскаленными сковородками?? Или ковровая дорожка, ведущая на Высший суд???» – перечислял Решетов известные ему атрибуты перехода в иной мир, вопрошающе глядя в потолок, украшенный грубой резьбой по камню. Оглушительно хохочущая тишина была ему ответом. Разум Седого уже совсем смирился с мыслью, что отныне существовать ему придется в облике бесплотного духа на чужой планете, как неожиданно внимание его привлекло едва заметное движение возле его смертного одра...

Погрузившись в посмертную истерику с головой, он даже не заметил, как в непосредственной близости от его хладного тела, словно из воздуха, материализовалась уже знакомая ему траурная фигура, голова которой была покрыта черным капюшоном...

«А вот и демон, пожаловавший из Преисподней по мою душу! – злорадно подумал Сергей, радуясь хоть какой-то развязке. – А ты ведь давно меня пасешь, неясно только, чего так долго тянул!» Вместо ответа фигура в черном балахоне повернулась, как будто отыскивая блуждающий в комнате дух Решетова. Через несколько секунд глазницы, исполненные ослепительного света, сверкнувшие из темноты капюшона, буквально выхватили из мрака комнаты душу Сергея и безапелляционно водворили ее в прежний сосуд обитания. В то же мгновение к Решетову вернулись все телесные ощущения, включая адскую боль в груди.

– Какого черта ты вытворяешь?! – хотел крикнуть Седой, но из уст его вырвались лишь каркающие хрипы вперемешку с кровью.

Мрачный визитер, не обращая внимания на потуги жертвы, повел раскрытыми ладонями над телом. Невероятным усилием воли Сергей сумел-таки приоткрыть глаза, и то, что он увидел, заставило его пожалеть, что ранее он не канул в небытие... Все его тело было окутано ярко-голубой прозрачной дымкой, исходящей из раскрытых дланей демона, колдовавшего над умирающим. Душа Седого зачленела от ужаса, когда он увидел, как зашевелилась и поплыла рябью его грудная клетка. Остатки рваной рубахи вместе с ветхими бинтами разлетелись в стороны, а грудина вздулась, словно распираемая изнутри. Страшная, несовместимая с жизнью, всепоглощающая боль, словно соревнуясь с ужасом от увиденного, сковала разум человека при виде того, что его ребра, без всяких усилий извне, раскрылись, подобно огромной шкатулке... Там, внутри... все пульсировало, kloкотало... Кровавые куски легких с торчащими из них обломками костей... Бешено пульсирующий кусок мяса – сердце, изо всех сил пытающееся отдать свой последний долг организму... Треклятый демон и его запустил в безумном режиме, хотя еще несколько минут назад девушка так и не смогла нащупать пульс на шее бездыханного.

От дикой боли, пронзающей каждую клетку его тела, Седого заколотило, словно в лихорадке. «Вот они – муки ада! – окровавленным мечом полоснуло его сознание. – Почему Бог дает мне силы пережить подобное?! Чем кроме своей непутевой шальной жизни заслужил я подобное???»

Казалось, демон обратил внимание на стенания подопечного – глубокие глазницы выплеснули поток непереносимо яркого света прямо в расширенные от ужаса глаза Сергея. Поразительно – боль тут же исчезла, осталось лишь ощущение неприятного шевеления в грудной клетке.

– Кто ты? Бог или Дьявол? – едва слышно вырвалось из оцепеневших губ Седого.

«Не отвлекай, все будет хорошо. Спи...» – не голос – импульс в мозгу.

Сергей полностью доверился силе, идущей от этого телепатического вещания, и послушно сомкнул веки...

Сколько прошло времени? Месяцы, дни, недели? Или то был лишь короткий миг, пролетевший с момента чудесной, но такой пугающей операции? Сквозь сумерки возвращающегося сознания до слуха Седого донеслось негромкое пение нежного девичьего голоса, раздававшееся в непосредственной близости от него. Мотив песни был грустным, и, хотя Сергей не понимал языка, на котором она исполнялась, голос девушки проникал, казалось, в самое его сердце, заставляя его трепетать от невыразимых чувств. Одновременно Решетов ощутил легкие, осторожные прикосновения к своему телу чего-то влажного и теплого. Эти умиротворяющие движения он ощущал на своей шее, плечах; более осторожно и легко – на все еще немного саднящей груди... Непереносимая адская боль покинула изможденное тело, и теперь все еще одурманенный мозг с радостью отдавался неге ласковых касаний. Седой с трудом приоткрыл отяжелевшие веки, и от того, что предстало его взору, несчастного больного бросило в жар – он, полностью обнаженный, возлежал на своей «больничной койке», а та самая умопомрачительной красоты девушка нежно обтирала его кожу влажной тканью, периодически макая ее в емкость с теплой водой. Первым его желанием было вскочить и немедленно прикрыться, но он еле сдержал себя, не зная, какими последствиями это может обернуться для его организма, только что перенесшего сложнейшую операцию. Поэтому, преодолевая стыд, он остался недвижим, из-под приоткрытых ресниц тайно наблюдая за прекрасной сиделкой, которая с легким румянцем на лице трудилась над распростертым перед ней телом голого, отлично сложенного мужчины. Девушка вновь смочила ткань и осторожно коснулась живота подопечного. Сергей уже сходил с ума от возбуждения, всеми силами пытаясь отвлечься от происходящего и подумать о чем-то другом. Но, к сожалению, с природой не поспоришь. Да и период воздержания для Решетова был слишком велик. Едва девичья рука скользнула ниже лобка, да вдобавок по губам девушки пробежала стыдливая, но заинтересованная улыбка, как его организм мгновенно отреагировал на нежное прикосновение. Увидев «гордо реющий» символ возбужденного мужчины, девушка внезапно оборвала свое пение, а с ее уст слетел громкий вздох не то ужаса, не то восхищения. Через мгновение она резко перевела свой взгляд на лицо Седого и, заметив его приоткрытые глаза, пронзительно взвизгнула, уронила свою тряпочку в тазик с водой, резко покраснела и стремглав выбежала из комнаты.

[Купить полную версию книги](#)